КЛЮЧИ ОТ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОРОДА

ДИЛОГИЯ КНИГА ВТОРАЯ

СТАС ЛИНЬ

Стас Линь

Ключи от исчезнувшего города 2

«Автор»
2026

Стас Линь

Ключи от исчезнувшего города 2 / Стас Линь — «Автор», 2026

Что страшнее? Узнать, что твой дед тебе не родной, или что он крупный учёный, тридцать лет назад работавший над секретным проектом? Жуткие тайны раскрыты, но рано поддаваться эмоциям, ведь жители города всё ещё находятся в заточении. Максим сдаваться не собирается. Ведь грядущий эксперимент может как спасти жителей от заточения, так и целиком погубить Картанг, на этот раз уже окончательно. Что выбрать в столь непростой ситуации? Но Максима пугает кое-что более важное. Он уверен, что секреты у Ганса и у его таинственного деда ещё не закончились. И они окажутся куда масштабнее тех, что ему уже известны. А тут ещё и Ульяна так не вовремя признаётся Максу в любви и навязывает отношения. Что же, Максим не отчаивается, он уже настроился решать проблемы по мере их поступления.

© Стас Линь, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть четвёртая 5
Глава 29 5
Глава 30 13
Глава 31 19
Глава 32 26
Глава 33 32
Глава 34 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Стас Линь
Ключи от исчезнувшего города 2

Часть четвёртая
Кто ты, дед?

Глава 29

Я чувствовал себя сейчас полным идиотом. Доверился отцу раньше, чем деду. Отцу, который, не смотря на то, что я предоставил ему все доказательства аномалий, происходящих в городе, всё равно не собирался мне помогать, пока его не принудила к этому ФСБ. Нет, понятно, что дед серьезный учёный, ему особенно нужны были бы весомые подтверждения странностям, которые я и пытался для него добыть, и я это подсознательно сейчас понимал, но всё равно. Дед же мне ближе по духу, доверия между нами намного больше и отношения крепче. Какой же я болван! Но и дед что-то мне тоже не рассказал всего с самого начала, хотя это бы сильно облегчило мне здесь жизнь. Пусть не сразу бы это сделал там в его квартире в Чехове, когда мы только получили странный заказ, пусть он хотел привезти меня в этот город. Но рассказал бы тогда всё уже тут на месте. Но нет, он молчал, он невольно заставил меня искать ответы самостоятельно. Не открылся мне. А в итоге оказалось, что он знает Ганса и, похоже, всё про этот город. Как же это сложно было осознавать!

– Владимир! – мгновенно отреагировал Ганс. – Я тоже рад тебя слышать! Но пообщаемся мы позже! Сейчас ты должен спрятаться немедленно! В больнице оставаться опасно! Уходите оттуда! Скорее! Бегите через подвал! Я знаю, как спасти город! У нас всё получится. Но в настоящий момент…

– Спрятаться? – возразил дед. – Нет уж. Я тридцать лет прятался. И больше не собираюсь…

– Послушай меня…

– Ганс, нет. Я всё улажу, – сухо обрубил его дед. – Сейчас только аудитория соберётся! Ты знаешь, что со мной спорить бесполезно. Я пока остаюсь тут. Лучше проинструктируй меня. Что там происходит вне стен больницы?

– Как ты догадался, что я могу это сделать?

– О, Ганс, я слишком хорошо тебя знаю! Если ты за всё это время не изобрёл летающего робота с видеокамерой, то ты – это не ты!

– У нас это называется квадрокоптер! – вмешался я.

– Нет! Есть кое-что поинтереснее!

– Говори! – воодушевился дед.

– Этот купол! Я могу наблюдать за городом через него! – восторженно заявил Ганс. – Представляешь, он оказался чем-то вроде передающего устройства. Глаз огромной видеокамеры! Только в помещения я заглянуть не могу, поэтому пока вас не вижу!

– Да ты превзошёл сам себя! – усмехнулся дед.

– Нет! Просто долго изучал здешние аномалии! Так, Володь! Давай по делу! У больницы уже столпился народ, не только военные, но и гражданские. Тебе будет сложно договориться с ними со всеми сразу. Поверь мне, я сам пытался ещё тогда их уговорить поверить мне –

бесполезно! Они меня ненавидят, и тебя, уверен, тоже. Нас есть за что ненавидеть. Так что не строй сейчас из себя героя!

– А я всё же рискну! – опять не согласился с ним дед. – Слышал, как та девочка, которая у протестной стороны за главную, вызвала на разговор Заботина?

– Не слышал. Купол, к сожалению, звуки не передаёт, – проворчал Ганс. – Но не сомневаюсь, что она на такое способна. Это же не просто какая-то там девочка, это Ульяна – дочь Риты. Помнишь Риту с Олей, внучек Петра Семёновича?

– Которые облазили весь второй уровень только потому, что Пётр не мог им отказать и брал на работу?

– Они самые, – подтвердил Ганс. – После аварии они спрятались в лаборатории, а не уехали с родителями, потому и остались живы!

– Это я, вроде бы, не забыл, – ответил дед. – Как и то, что Миша с женой погибли в первый же день из-за своей глупости!

– Именно так. Только облазила второй уровень одна Рита, – поправил деда Ганс. – Оле тогда всего годик был, вроде, или два. Не помню точно. Но старшая сестра её с собой в подземные приключения ещё не брала.

– Это секретный правительственный объект, что вам здесь нужно? – Мне вспомнилась старая интернет-шутка, которую я тут же озвучил. – Я к маме на работу, – с усмешкой продолжил я. – Ладно, проходи! Только в данном случае к деду на работу.

– Значит, это Рита сейчас приехала поддержать дочь? – Ганс с дедом, похоже, меня не услышали. – Как же она изменилась, не узнать!

– Да! Ну, а что ты хотел? Тридцать лет прошло, ты видел её ещё ребёнком. У неё теперь уже свои дети. Ульяне тринадцать, совсем взрослая. А Насте шесть. И, кстати, Заботин уже выехал! Минут через десять будет у больницы, – добавил Ганс. – Ульяна добилась своего!

– Тогда мне тем более нужно помочь им разрешить конфликт! Ганс, ты просто наблюдай и всё, а я сам справлюсь, – подытожил дед.

– Ладно, знал же, что переубедить тебя не получится, зачем сопротивлялся? – посетовал Ганс. – Действуй! Удачи! Буду тебя страховать! Не отключаюсь.

– Договорились! – дед закончил с ним разговор.

Неловкое молчание.

– Ты с ними уже знаком? – спросил дед меня, имея в виду Ульяну и её маму.

– Частично, – недоверчиво ответил я. – Они помогли мне найти Ганса.

– Хорошо! – продолжил он. – Я понимаю, Максим, как ты сейчас озадачен. И у тебя ко мне много вопросов, не сомневаюсь. Но всё потом. Сейчас надо разобраться со сложившейся ситуацией. А после я всё тебе расскажу. Подробно. Обещаю. Да, я знаю Ганса, так как я один из пяти ведущих учёных проекта «Синее зеркало». Третий – Пётр Бережной, четвёртый – его сын Миша, а пятый – Сергей Прохоров, твой настоящий дед!

Второй раз за последние пятнадцать минут я услышал это имя! Дед подтвердил всё, что узнал папа. Правда, он уже, кажется, не мой дед.

– Только не подумай, что если вы с отцом мне не родные, то я не люблю вас как родных, – попытался уверить он меня далее, будто прочитав мои мысли. – Раз ты уже знаком с Гансом, то многое знаешь, в том числе и про нас. Да, мы вчетвером представляли сторону СССР, помогали Гансу справляться с таким крупномасштабным проектом. Ганс – гений. Такие люди, как он, рождаются раз в тысячу лет! Но и гениям иногда нужна помощь.

Народ за окном расступился, на территорию больницы въехал кортеж Заботина: чёрная «Волга» в сопровождении двух тёмно-зеленых «Уазиков».

– Ладно, пойдём на улицу. Надо успокоить людей!

– Подожди! – остановил я пыл деда. – Сейчас.

Я набрал номер Ульяны. Длинные гудки, в окне увидел, как она берёт трубку.

– Ульяна, что там происходит? Тут дед хочет выйти на переговоры. Можно или не стоит? – слегка растерявшись, спросил я.

– Можно! У меня всё под контролем, – уверенно заявила девочка. – Вас никто не тронет, будь спокоен!

– Тогда мы выходим прямо сейчас!

– Хорошо, и идите сразу в парк, – деловито подытожила эта очаровательная юная революционерка. – Собираемся там!

Я ещё раз посмотрел в окно. Заботин с двумя солдатами в личной охране и Ульяна с мамой уже продвигались к больничному парку. А отец девочки, дети и остальные столпившиеся у входа люди пока стояли на месте.

– Помоги мне дойти! – попросил дед. Я подошёл ближе, и он опёрся правой рукой мне на плечо, обняв следом за шею. Мы передвигались медленно, особенно трудно было деду спускаться по лестнице.

Но вот мы уже у главного входа. Вышли на крыльцо. Неопределённость мучала, но я почему-то чувствовал себя спокойно. Даже не волновался. Нисколько.

Дед пока не проронил ни слова, как проходя мимо толпы, так следуя по парку и садясь за стол. Старый деревянный стол, посеревший и размокший от недавнего дождя, окружённый лавочками по трём сторонам – очень подходящее место для долгих бесед. Ульяна села рядом с мамой, я с дедом, Заботин с отдельной стороны в гордом одиночестве. Солдаты встали за его спиной.

Люди, поняв, что уже можно, начали постепенно наполнять парк, даже окружать стол, но не подходили к нам ближе, чем на пять метров. Немногочисленные дети также смешались с толпой.

Парк хорошо просматривался и прослушивался собравшимися. Толпу я не разглядывал, было как-то неуютно, и мотать головой туда-сюда казалось некультурным. Но не заметить, что народ пребывал и пребывал, было невозможно. Нашумели мы с Ульяной сегодня немало, похоже. И как теперь всех утихомирить?

– Рита, ты, наверное, меня уже не помнишь, – начал дед. – Я работал с Гансом и твоим дедом – Петром Семёновичем. Это мы чуть не погубили ваш город.

– Не «чуть не погубили», а погубили! – рявкнул Заботин.

– Здравствуй, Валентин! Не удивлён, что ты теперь здесь за главного! – повернулся к генералу дед.

Единственное, что меня дико радовало в происходящем, это то, что теперь не надо было деду всё объяснять, подбирать слова, чтобы убедить его в том, что в городе творятся невообразимые вещи. Он и сам всё знает. Он даже принимал в этом непосредственное участие, хоть и очень давно. А сейчас, как я уже начинал убеждаться, точно знал, что и кому говорить.

– Я здесь за главного! – перебила всех Ульяна. – И его солдатня сейчас не двинется с места только благодаря мне! – кивнула она на генерала.

– Ты мелкая садистка! – продолжил возмущаться Заботин, но уже обращаясь к Ульяне. – Как ты вообще посмела этот кошмар снова начать! Я же тебя предупреждал!

– Эй! Прошу без оскорблений! – тут же защитил я девочку.

– А пусть она расскажет, что опять натворила! – парировал мне генерал. – Ну, расскажи всем, что ты сделала! Давай! Бесстыжая! – он грозно посмотрел на Ульяну.

– Ещё пока не сделала, но всё может быть! – перебила Ульяну её мама, как только та начала отвечать. – Я помню вас, Владимир Николаевич! Как же не помнить? – отвернулась она от генерала в нашу сторону. – Вы ведь с моим дедом крепко дружили, ходили к нам в гости часто.

– Где он сейчас? Где Пётр? – заволновался дед и вполне обоснованно.

– Умер неделю назад, – теперь вмешалась Ульяна. – А сегодня умрёт кто-то ещё, если мы не договоримся!

Мне стало жутко интересно, что же она сотворила. Взяла в плен военных? Заминировала воинскую часть? Захватила боевую технику Заботина, рассадила в ней детей – своих подчинённых, и направила дула на город? Фантазии ей было не занимать, как и смелости, это я уже понял давно. Страшно представить, на что она могла ещё быть способна. Но пока что дочь, что мать ничего толком не говорили, выдерживали тревожную интригу.

– Как он умер? – не прекращал свой дотошный расспрос дед.

– Рак поджелудочной, – ответила Рита. – Только он не сам умер. Его убила стена.

– Самое ужасное, что и я это видел! – проворчал я. – Во всех деталях.

– Не хотел страдать. Болезнь его совсем измотала, – добавила Рита.

– Угу, а ещё, дед, ты два дня лежал с ним в одной больнице. Ну, в этой, – продолжал я вставлять свои реплики. – На одном этаже и в соседних палатах. Но, похоже, вы так и не встретились.

– Значит, я его либо не видел, либо не узнал. Жаль, – дед опустил взгляд.

– Не узнали бы, он сильно постарел за последние месяцы, – дополнила мама Ульяны. – Но ладно, давайте уж ближе к сути. Ведь дело в том, что мой дед далеко не первый узник Картанга, кто пожелал расстаться с жизнью при помощи стены. Здесь таких было достаточно. Покажи им, Ульяна.

Воцарилось молчание. Девочка достала из сумки, что лежала у неё на коленях, довольно внушительного размера зелёную папку с исписанными бумагами А4, открыла её, развязав справа шнурок, и положила на стол. Мельком взглянув на то, что было написано на листках, я обнаружил столбики с именами и фамилиями, пронумерованными сверху вниз, вместе с двумя датами напротив. Видимо, датами рождения и смерти.

– Что это? – спросил я.

– Список людей, покончивших жизнь самоубийством за последние двадцать лет. Начала вести статистику ещё я, потом продолжила моя дочь, – пояснила Рита.

– И сколько здесь имён? – продолжал я опрос.

Рита перевернула пачку и взяла последний лист. Самая нижняя запись была под номером 1549. Лист мама Ульяны положила в центре стола, чтобы стало видно всем присутствующим.

– Если просмотрите все даты и сравните их, то поймёте, что 75% процентов самоубийц – подростки до 18 лет, – добавила Рита.

– Кошмар! – сказал я.

– Мы учитывали всех, – вмешалась Ульяна. – И тех, кто просто пропал без вести. Мы же понимали, что из стеклянного шара пропасть куда-то без вести невозможно. Только в стену. Город маленький, об исчезновении какого-либо жителя узнавали сразу же. И если человек не объявлялся через неделю и все уже догадывались, что с ним случилось, то он попадал в этот список.

Я опешил, но не от увиденного и услышанного. Я понимал другое – если сейчас вмешается Заботин с неуместной репликой, наподобие: «Вот, видишь, Ганс, что ты сделал с городом! Это ты виноват во всех этих самоубийствах!», то переговоры пойдут прахом. Решил вмешаться.

– Меня это так поражает, – перебил я всех говорящих, в том числе и только открывшего рот Заботина. – Дорогой, мы живём в городе, который учёные, после неудачного эксперимента, обрекли на вечное скитание в космосе и сместившемся пространстве. Он помещён в сферу, внутренняя поверхность которой превращает в пыль любого, кто до неё дотронется. Мы никогда не выберемся отсюда, потому что заставили единственного учёного, способного нам помочь, запереться в его же лаборатории, пригрозив ему расправой. Всё, что у нас есть, это

фантомный мир, снабжающий нас едой и вещами. Но мы никогда в жизни не сможем посетить никаких других мест на планете, кроме этого города. Давай заведём ребёнка?

– Вот зря ты так! Это, между прочим, человеческая природа, против которой трудной пойти, – заговорила рация в кармане у деда. Сидящие за столом смущённо переглянулись. – Да, я снова с вами, хотите ли вы этого или нет, – добавил Ганс.

Мы с дедом поняли, что скрывать его от людей больше не имело смысла. Дед изъял из кармана рацию и поставил в центр стола. Теперь и Ганс тоже присоединился к разговору.

– Я имею в виду что, – продолжал Ганс, не дождавшись от меня встречного вопроса. – Дорогой, мы живём на глиняном шаре, затерянном в космосе. Мы не знаем, как мы сюда попали, и кто мы вообще такие. Мы не знаем, в чём смысл нашей жизни, для чего мы были созданы и что нас ждёт после смерти, и, возможно, никогда не узнаем. Давай заведём ребёнка?

– Вы оба не совсем правы, – вмешался дед, обращаясь ко мне и Гансу. – Ведь если о смысле жизни говорить, то человеку просто-напросто трудно разобраться во всех этих сложных философских проблемах. Он либо совсем не задумывается об этом, либо пытается, но в итоге ломается, сдаётся и заводит детей, считая, что вырастив и воспитав их, исполнит свой долг и ему простится его нежелание искать ответы на столь глубокие вопросы. Да и можно ли их вообще найти? Но тут у нас разговор всего лишь о людях, обречённых на существование в ограниченном пространстве, которые никогда не выйдут из своей тюрьмы. Они не посмотрят мир, не увидят что-то более прекрасное, чем этот Картанг. Пусть даже это прекрасное и находится на каком-то там глиняном шаре, затерянном в космосе. Но, в крайнем случае, на нашей планете этого пространства гораздо больше, чем здесь. Очень даже больше. Но человеческая природа, дорогой Ганс, у нас и там и там одинаковая, тут ты прав.

– Пару тысяч лет назад люди уже распяли такого человека, способного вывести их из бесконечного цикла рождений и смертей. Видимо не так-то им и хотелось из него выходить. А эти избавились от меня, – продолжал Ганс. – Люди не меняются. Не очень-то они и хотят выйти отсюда, похоже.

– Ага, не хотят! – крикнула Ульяна. – Меня не интересует мнение тех, которые не хотят! Меня глиняный шар вполне бы устроил, и я хочу туда. Очень хочу! Только бы не оставаться в этом долбанном Картанге! Видеть его больше не могу! Ведь самое страшное для меня – остаться здесь на всю жизнь!

– Они вас ненавидят, Ганс, – вмешалась Рита. – Это же вы их тут заперли! Нас заперли!

– Как и ненавидели того, кто запер их на глиняном шаре, – продолжал Ганс. – Давайте остановимся, а то мы так вечно будем ходить по кругу в этом вопросе. Люди ненавидят Бога за то, что он дал им жизнь, вы ненавидите меня за то, что я дал вам такую жизнь. Но парадокс в том, что тот, кто вам эту жизнь дал, может вас от неё и освободить.

– Притом ценой этой самой жизни! – сказал я. – Ведь вы сами говорили, Ганс, что если эксперимент опять пройдёт неудачно, то все погибнут?

От философии Ганса меня уже клинило. Я триста раз пожалел, что завёл разговор в такое русло. Ганс гениален, да. Но он что, считает себя Богом? Я поражался. Это так принято у гениальных людей? Такого я никак не ожидал.

– Бог запер людей на планете и в смертном теле, и только Он способен их от этого освободить. Ганс запер вас в этом городе, и только он может вас из него вывести. По-моему, всё сходится, – снова будто прочитал то, о чём я думаю, дед. – Кстати, и в том и в том случае цена выхода – жизнь. Но ставить ли её на кон, вот в чём вопрос? А насчёт детей, – продолжил он. – Ганс, ещё раз повторюсь, прав, в плане человеческой природы. Мы будем плодиться в любых условиях. Так уж мы устроены. Притом, чем хуже эти условия, тем больше детей мы на свет произведём. И не важно, будут ли они, наши дети, в этой жизни затем страдать от того, в какой мир мы их привели, или нет. Мы об этом даже не задумаемся. Мы вообще редко задумываемся о последствиях. Любых последствиях. Парадокс. Но факт.

– Только дело в том, – продолжал Ганс, – что глиняный шар ещё как-то проживёт без высших смыслов и абсолютной свободы. Да и просто проживёт очень-очень долго, а вот наш город уже на грани вымирания. Покажи им, Ульяна. Пора. Время пришло. Я-то знаю, что ты сделала, а вот остальных, здесь присутствующих, ещё надо просветить.

– И я знаю! – рявкнул Заботин. – Показывай уже!

Девочка немедля подчинилась. Она достала из той же сумки планшет и включила его. Затем она нажала на значок Скайпа и позвонила уже созданной заранее конференции. Больше 24 собеседников за раз Скайп позволить себе не мог, но и этого вполне хватало. На отдельных маленьких экранчиках начали появляться дети. Где-то только лица, где-то во весь рост – видимо, камера находилась в отдалении. На некоторых экранчиках дети стояли в ряд друг за другом в каком-то лесу. Десятки детей. Я не сразу догадался, что происходит.

– Лёша, меня слышно хорошо? – начала Ульяна.

– Да, вполне, – заиграл периметром один экранчик, на котором говорил рыжеволосый круглолицый мальчик лет четырнадцати.

– Прекрасно! Здесь тебя тоже все слышат! Объясни им! – приказным тоном выдала Ульяна.

Экранчик паренька тут же расширился, выдвинувшись вперёд, и тот заговорил. Раньше я его не видел, ни в штабе, ни в городе, нигде. Да уж, у Ульяны большая команда.

– Мы сейчас находимся рядом со стеной, – казалось, что парень вёл репортаж. – Если хотите – считайте это шантажом. Но сейчас я выдвину наши условия. Итак. Вы должны договориться с Гансом и дать ему возможность повторно провести эксперимент. В противном случае мы все прыгнем в стену! – голос у парня дрожал и говорил он будто по написанному. Похоже, кто-то ему эту речь заготовил заранее. Хотя, почему кто-то? Ульяна! Кто ещё это мог сделать?

Я почувствовал, как по моей спине пробежал холодный пот.

– Да они блефуют! – рявкнул Заботин.

– Нисколько! Если ты не знаешь, Валентин Иванович, – продолжал Алексей. – Большая часть здесь собравшихся – дети военных, дети твоих подчинённых.

– И поверь мне! – продолжила за него Ульяна. – Жизнь детей им дороже, чем твои дурацкие приказы!

Девочка так уверенно тыкала Заботину, что мне это определённо нравилось.

– Она не врёт, за суицидом подростков я тут часто наблюдал, – поддержал Ульяну Ганс. – Её статистика верная, и ребята сейчас настроены серьёзно.

– Сколько там детей? Ну! Говори! – генерал забеспокоился не на шутку.

– Несколько сотен. Да, Валентин Иванович, мне удалось мобилизовать на восстание больше половины детей города. Они расставлены по всему периметру купола, не только в лесу, недалеко отсюда, но и на острове, и даже в лодках на озере. Если вы прямо сейчас отдадите приказ своим солдатам бежать в лес и остановить их – вы не успеете. Никто не успеет никого спасти. Ребята прыгнут в стену гораздо раньше. Все. Я вас уверяю, все. Они уже рядом со стеной, а вы далеко. Их будет не остановить.

– Если Ульяна тут два года искушала всех детей прелестями внешнего мира, могу и я подтвердить, что они не врут, – добавил я, повернувшись к Заботину. – Мы – дети и подростки – максималисты. Вы сами это мне тогда говорили, Валентин Иванович. У нас либо всё, либо ничего. Боюсь, если эти ребята не выйдут отсюда, то им ничего не останется сделать, как умереть.

– А что искушать-то? – пожала плечами Рита. – Им достаточно было телевизор посмотреть, а потом осознать, что выбраться в те места, которые там показывают, из Картанга они не смогут никогда!

– И поверьте, в случае необходимости, мне удастся мобилизовать на это и оставшуюся половину детей. А когда мы умрём, когда здесь исчезнут все дети, у города больше не будет

будущего, – подытожила Ульяна. – А когда в стену войдёт последний ребёнок, то и я, и я тоже уйду вместе с ними.

– Не говори так, дочка! – отрезала Рита.

– Капитан покидает тонущее судно последним, – усмехнулся я, но тут же себя остановил, поняв, что даже для такой ситуации мой юмор слишком чёрный.

– Я не вру! – грозно посмотрела на меня Ульяна. – Мне невыносимо больше тут оставаться! Я в любом случае пройду за стену. Но либо выживу при этом, либо умру – решать вам. И решать сейчас!

– А и не говорю, что ты врёшь. Я тебе верю, правда, – ответил я ей. – Я, может быть, даже здесь единственный, кто верит тебе абсолютно.

– Обычно с тонущего корабля первыми бегут крысы, но крысы тут как раз в итоге и останутся, которые, пресмыкаясь перед вами, Валентин Иванович, не смогут спасти своих детей! – заговорила Рита, обращаясь к генералу.

– Мы всё равно удержим город! У меня большая армия! – не унимался Заботин.

– Нечего будет удерживать! – заявила Ульяна. – Думаешь, люди смогут жить дальше без своих детей?

– Новых нарожают! – фыркнул Заботин.

– Большая армия? – Засмеялся в рацию Ганс. – Две третьих твоей армии я отключу одним нажатием кнопки!

Его поддержка сейчас оказалась как никогда кстати. Военные, охранявшие генерала, удивленно переглянулись.

– Да ладно?! – опешила Рита. – Вы набрали в солдаты фантомов?!

– Эм… ну… ну да! А что мне оставалось делать?! – генерал сначала замешкался, а потом вышел из себя, но всё равно признался сразу. Выбора у него не было.

– Замечательно! И сколько же человек входит в вашу реальную армию? – добавил вопрос я.

Генерал опустил голову. Что ж. Раз мы уже начали его дожимать – продолжим, подумал я с ехидством. Похоже, у нас получалось. Но обольщаться было рано.

– Так, и? – холодно переспросил Ганс.

– Человек сто, – лукаво улыбнулся генерал.

– Которых я с лёгкостью у тебя уведу! – фыркнула Ульяна, опять обращаясь к Заботину на «ты». – Решай, давай, или ты хочешь, чтобы я показала трансляцию родителям этих детей? Посмотрим, что они скажут. Некоторые тут уже её увидели и серьёзно забеспокоились, да, дядя Паша? – обратилась она к одному из охранников генерала. Только сейчас я заметил, что он стоял будто сам не свой, руки тряслись, пот проступал на лбу, а глаза выражали глубинный страх. Похоже, его сын или дочь сейчас как раз находились у стены. – А что если я покажу её всем остальным? – добавила Ульяна.

Генерал промолчал. Все остальные тоже.

– Все дети твоих подчинённых сейчас стоят у стены. Одно моё слово, и они умрут в ту же секунду! – не сдавалась девочка.

Мой дед всё это время хранил молчание. Либо не знал, что сказать, либо специально давал всем возможность высказаться, а затем заговорил бы сам и красиво разрешил конфликт. На лице спокойствие. Настолько выразительное, что первый вариант сразу отпадал. Оставался второй.

– Владимир, уходи оттуда! Я спрячу тебя и Максима! – вдруг крикнул Ганс. – На первом уровне они вас не достанут. У этого маньяка в армии одни фантомы, их не жалко отправить в бой. Заботин непредсказуем. Он убьёт всех вас! Ему плевать на детей! Ему плевать на всех! Из этой ситуации нет другого выхода, кроме как бежать!

– Да не плевать мне! – заорал генерал. – Если бы мне было плевать, зачем бы я тогда тридцать лет охранял этот город?! – он подскочил на месте.

– Ганс, – удивился я, – вы же сами сейчас сказали, что можете отключить фантомов одним нажа…

– Так, стоп! – наконец, дед нарушил своё молчание.

Вовремя.

Мы резко затихли и тут же к нему прислушались.

– Вот скажи мне, Ганс, – на выдохе продолжил дед, – как ты себе представляешь подготовку к запуску ускорителя? Нам же его ещё нужно восстановить! – Он взял в руки рацию. – Первый уровень уничтожен. Хоть и не полностью, но использовать его мы не сможем. Он наполовину в решето, обшивку тоннеля там никак и ничем не залатать. Я думаю, можно будет собрать на втором уровне вакуумную трубу, рядом с уже имеющейся. Второй уровень ведь остался цел, да и места для двух труб там хватит. Оборудование, знаю, ты сохранил. Вы ведь начинали его складировать ещё тогда, чуть ли не сразу после аварии.

– Да, все неповреждённые части конструкции хранятся в первом, втором и пятом отсеке первого уровня в целости и сохранности, – подтвердил Ганс.

– Прекрасно! Но как мы будем монтировать её, а? – спросил дед. – Вдвоём устанавливать все 43 поворотных магнита, которые сам знаешь, сколько весят? Вдвоём собирать теплоотвод и ускорительные секции? Чтобы соорудить одну вакуумную камеру внутри трубы нужно усилие нескольких сотен людей! А нас будет всего… ну, трое. Максим, ты же с нами?

– С вами. Только вот дед, кажется, прав, – поддержал я его, а Ганс меня услышал.

– Устройство чистки пучка, оно вообще высотой метра четыре, – засмеялся дед. – Как ты его тащить через весь тоннель собрался? На горбе? Прости, Ганс, я тебя не учу. Ты всё это и так знаешь, но втроём мы с монтажом оборудования провозимся годами! Чтобы выбраться отсюда, нам нельзя больше ссориться с городом, пойми, ведь нам необходимы усилия всех его жителей. Поэтому либо дальше мы идём вместе со всеми, либо никак!

– Ты же понимаешь, Володь, зачем я тебя сюда привёл? – спросил Ганс.

– Понимаю. Жалко, что мы не успели опробовать моё открытие тогда, тридцать лет назад. Может и взрыва бы не произошло…

– О чём вы говорите? – вмешалась Рита.

– Это сложно объяснять так без наглядного пособия, – переключился на неё дед. – Но то, как я это придумал, сейчас расскажу. Уверен, вам будет интересно.

Мы сели удобнее. Я, Рита и Ульяна уставились на деда. Не возражал против исторической паузы даже Заботин. Прекрасно. Солнце уже почти приблизилось к горизонту и покрыло парк ярко-красными закатными лучами. Люди вокруг и даже деревья словно замерли. А дед начал свою историю.

Глава 30

– К работе здесь на коллайдере меня привлекли значительно позже, хотя со всей командой учёных и Гансом я знаком был уже давно, – заговорил дед, поправив рукав. – Я же входил в число учеников Петра Семёновича Бережного вместе с Мишей – его сыном и твоим отцом, Рит, и Серёжей Прохоровым. Мы втроём учились в одной группе и крепко дружили все пять лет учёбы. Были как одна команда самых умных на курсе. И Пётр это видел и ценил, он ведь в то время у нас преподавал. А после окончания Бауманки Пётр привлёк нас к научной работе под его командованием как особо талантливых студентов. Заставил поступить в аспирантуру, и из нас образовалась такая вот группа привилегированных и приближённых к Петру, и она больше не пополнялась и не уменьшалась никогда. Это было ещё в 70-х, мы занимались почти тем же, чем и Ганс, только его самого пока ещё не знали и разрабатывали материал всего лишь в теории – на бумаге, без какого-либо оборудования и возможности ставить эксперименты. Позже Пётр еле как добился, чтобы нас подключили к работе на УНК в Протвино, где мы сразу влились в команду учёных, возглавляемых матерью Ганса. Ну а позже познакомились и с самим Гансом. В тех переговорах, о которых ты, Максим, уже, думаю, знаешь, между Данией, Англией и СССР мы вчетвером тоже участвовали. Только загвоздка была в том, что я к тому моменту уже занимался кое-чем, что, по мнению Петра и не только Петра, было невозможным в науке, поэтому все учёные проекта меня в определённый момент невзлюбили и всячески пытались отстранить от исследований. Но не смогли.

– Ну, не все, – опроверг его Ганс. – Я тебя очень любил и верил тебе всегда!

– Это так, – согласился дед. – Если бы не Ганс, я бы никогда не попал в Антарск. Только благодаря Гансу я остался в проекте, он меня постоянно прикрывал и перед командой учёных и перед чиновниками. И, как оказалось, не зря. За год до трагедии в Антарске я сумел найти способ, как запустить ускоритель с минимальным расходом энергии. И при этом достичь максимального разгона частиц. В разы большего, чем уже достиг тогда Ганс. Для этого даже не нужно было строить эти два огромных тоннеля. Достаточно одного небольшого. На исследования и разработки мне потребовалось несколько лет. Математическая модель выглядела идеально. Но провести испытания мне не давали. Год я пытался добиться командировки в Антарск и безрезультатно!

– Почему? – недоумевал я.

– Уверен, – повернулся ко мне дед, – Ганс расписал тебе историю развития его проекта и строительства Антарска в абсолютно розовом цвете. Рассказал добрую сказку, в которой героям всё даётся легко. Но на самом деле тут было совсем не так. Нам чинили препятствия. В правительстве особенно. Но что касаемо меня – это тоже политика. Ведь если бы я оказался прав и смог запустить ускоритель по своей модели, наши спонсоры из других стран, в том числе и из США, поняли бы, что их деньги потрачены напрасно, что можно было бы избежать огромных расходов на строительство второго кольца. Компартия рисковала лишиться выгодных партнёров. В худшем случае несколько стран отказались бы дальше инвестировать в проект. Я оказался неугоден. Последние два года перед запуском я даже в отчётных списках под разработками не значился. Меня будто не существовало.

– Спонсоры? – недоумевала Рита. – А как же социализм? Всё народное, там, и так далее…

– Социализм социализмом, Рит, а проект-то международный. И ресурсы в него вкладывал не только СССР, но и капиталистические страны за свои большие деньги. В том числе оборудование. На ускорителе оно в большей степени было импортное. Титановая сфера – тоже.

– Поняла… – закончила Рита.

– Кошмар! – добавил я. – Дед, это же по отношению к тебе слишком несправедливо, так тебя отовсюду вычёркивать!

– Может быть, – кивнул он. – Но в чём-то они были правы, ведь в таком случае я бы подставил под удар Ганса, это же его идеей было строить второй тоннель. Но отговорить я его бы не смог, да и не пытался, потому что тогда моя модель ещё не была готова, и я не знал, что не нужны нам будут никакие два кольца.

– Ой, если бы ты оказался прав, я бы с радостью подставился, – снова опроверг его Ганс. – Не сомневайся!

– Я понимаю, Ганс, но дело было даже не в деньгах, что в нас вложили США, Великобритания, Китай и другие страны, – продолжил дед. – Дело в тех же поставках оборудования, которые могли бы прекратиться. В научных разработках, которые могли бы приостановить. Тут всё сложно. Я вообще удивляюсь, как меня просто-напросто не ликвидировали, а лишь давили бюрократией, не давали командировок и права на въезд в закрытый город.

– Либо наоборот Советы побоялись, что разработку у тебя перекупят американцы, – предположил Ганс. – Или вообще тебя к себе увезут. Проект-то, ты прав, был международный, доступ к нему имели многие. Более того, ладно учёные из США, они нормальные ребята, мы же с ними хорошо сработались. Но помимо них в город часто приезжали, скажу по секрету, сейчас-то уже это не важно, и некоторые высокопоставленные военные из Пентагона. В роковой день, кстати, они тут были тоже. Само собой – неофициально. Я уже молчу про маститых генералов от китайцев и англичан, забредавших в Антарск время от времени со стороны моря, переодевшись в гражданскую одежду. Явно хотели урвать себе кусок от разработок. Притом – каждый. Тут же был проходной двор для иностранцев, не смотря на то, что город закрытый. Но это с суши он был закрытый и для советских граждан, а морем сюда кто только не приплывал. И не пустить нельзя – разрешение! Только сейчас уже ничего никому не докажешь. Все шпионы тогда погибли разом в один миг.

– И что же ты сделал? – спросил я деда.

– А что я мог сделать? Плюнул на всех, взял свои расчёты и поехал в Антарск самостоятельно. Заранее, правда, позвонил Гансу, тот, конечно же, неофициально оформил мне пропуски через все блокпосты, которые я забрал лично у посыльного в Магадане, так что проблем с проникновением в Антарск у меня не оказалось. Только вот к началу эксперимента не успел. Ганс уже запустил ускоритель. Взрыв на первом уровне я услышал, как только минул шлагбаум на въезде в город.

– Я не хотел запускать его без тебя, поверь! – закричал в рацию Ганс. – Я хотел, чтобы ты успел приехать!

– Тогда почему запустил?

– Мне приказали! – продолжал нервничать Ганс.

– Кто? – вмешался Заботин.

– Правительство! Компартия! Володь, я клянусь тебе, на меня давили сверху! Они не хотели, чтобы ты оказался прав, они всё знали, знали, что ты едешь сам. Только не понимаю, как пронюхали об этом?! Может, прослушали наш телефонный разговор, когда ты звонил мне из Москвы? Но они знали и настаивали, чтобы я сделал это до твоего прибытия – запустил ускоритель. Они хотели, чтобы всё прошло гладко без твоих разработок. Чтобы ты остался в дураках! Но гладко не прошло…

– Я тебе не верю! Вы учёные – одержимые психи, – продолжал напирать Заботин. – Ты и без приказа нажал бы на пуск!

– Да нет же! Нет! Я не хотел тем самым присвоить всю славу себе! – продолжал оспаривать обвинения в свой адрес Ганс. – Да, я был одержим экспериментом, но я верил Володе, меня не интересовали лавры победителя, мне нужно было лишь провести эксперимент без ошибок любыми способами!

– И, тем не менее, на кнопку нажал именно ты и погубил город! – не сдавался Заботин.

– Они угрожали мне… угрожали арестом…

– Кто? Литвин? – ухмыльнулся Заботин. – Или те мальчики из КГБ, которые тут, якобы, курировали проект? Они же тогда только из ВШ вылупились и их сразу в закрытый город спихнули. Не смеши! Что они бы с тобой сделали? К стенке поставили? Вряд ли. Даже наручники надеть на твои белые ручонки бы не посмели! Тут все тебя уважали. Тут никто тебе был не указ! Кремль далеко, а Антарск… Что вообще тебе могло угрожать в Антарске? Ты же был здесь как царь, и за мэра и за главнокомандующего и ведущий учёный. Остальные так – ширма. А ты… у тебя была абсолютная власть. Все перед тобой тут лебезили и подчинялись тебе беспрекословно! И я в том числе. И Литвин. Никто бы тебя не сдал, если бы ты прекратил эксперимент или хотя бы отложил его!

– Думай, что хочешь! – не выдержал Ганс. – Все свидетели всё равно погибли. Представители Англии, Франции, Китая, США, все они мертвы. На запуск ведь тогда съехалось полмира: учёные и военные. Ну, кого успели пустить. И все они погибли. Как и упомянутые тобой кураторы от Кремля. Я больше не собираюсь оправдываться! Вы можете мне не верить. Что произошло, то произошло. Но сейчас только Владимир сможет нам помочь. Только он способен вытащить нас отсюда!

– И я наконец-то, спустя тридцать лет, смогу попробовать испытать здесь свою модель, – ответил дед.

– Попробовать? – смутился я.

– Именно, – кивнул дед. – Она ведь никогда не была испытана на практике. Но даже при этом я на сто процентов могу вам гарантировать, что взрыва больше не произойдёт. Остальная работа за Гансом.

– Значит, вы могли бы предотвратить аварию тогда? – спросила Рита моего деда.

– Мог бы, – утвердительно ответил он. – Ганса вы можете ненавидеть сколько угодно, но я бы катастрофы не допустил! И не допущу сейчас. И пусть пока только на словах, но я даю вам гарантию. Я вам клянусь! Больше никаких жертв! В худшем случае, которого тоже не будет, установка просто заглохнет, но точно никого не убьёт. А мы с Максимом останемся здесь с вами…

– Эй! – испугался я.

– Не бойся, внук, – улыбнулся дед. – Этого тоже не случится, верь мне!

– Ладно… – недоверчиво выдохнул я.

– Я даже принцип действия моей модели вам наглядно продемонстрирую, чтобы развеять все сомнения окончательно, но позже. Ганс?

– Да? – отозвался деду немецкий учёный.

– Я так понимаю, город всё это время питался электричеством от нашего «синего зеркала»? Не думаю, что ГЭС, даже фантомная, снабжала бы город бесперебойно столько лет. Она ведь ещё тогда, тридцать лет назад, чуть не вышла из строя.

– Ты прав! – подтвердил Ганс.

– Тогда, чтобы аномалии не подкинули нам проблем, мне постоянно нужна будет твоя помощь! – попросил его дед.

– Само собой. Ну, а мне твоя! Я же не хочу подвергнуть жителей опасности снова, – ответил Ганс.

– Без проблем! На этот раз мы сработаемся точно. Но, Ганс…

– Что?

– Я же теперь столько всего не знаю. Я ведь не знал про фантомов, мы тогда с Сергеем покинули город раньше. Успели, пока на небе возникали те яркие вспышки. Не знал и про то, что купол может быть передающим устройством. Боюсь представить, сколько иных удивительных открытий ты тут сделал! Ты мне ещё многое должен рассказать, Ганс, очень многое!

– Обещаю! – смиренно ответил немец. – Я всё расскажу!

– Но как собрать ускоритель меньшего размера из оставшегося оборудования, снова запустить его и разблокировать третий уровень я знаю точно, – подытожил дед.

– Это мне и нужно, – радостно сказал Ганс.

– Только вот как убрать стену и освободить жителей я не знаю. Ты тут изучал наше «синее зеркало», не я. Так что этот вопрос к тебе.

– Я его хорошо изучил, – уверил деда Ганс. – С уничтожением стены мы справимся, не волнуйся!

– Твой настоящий дед, Максим, – дед переключился на меня, – Прохоров Сергей Валентинович, тоже стал ведущим специалистом на коллайдере. При взрыве на первом уровне он сильно пострадал. Обгорел почти весь, но чудом остался жив. Тогда мы с Гансом приняли непростое решение. Первый уровень всё равно был взорван, в моём открытии не было уже никакого смысла. Потому Ганс попросил, чтобы я покинул город и вывез с собой Сергея. Он был уверен, что вспышки, через которые мы могли ещё проскочить за купол, скоро прекратятся, и с городом произойдёт что-то ужасное. Я хотел остаться и помогать раненым, но Ганс настаивал на обратном.

– Город исчезал, я тебе показывал данные, снимки. Этого было не избежать! – опять закричал в рацию Ганс.

– Всё так. А тогда, – дед на секунду задумался. – Мы тогда вернулись на второй уровень…

Тут я понял, что рассказ, прерванный Гансом ещё там внизу в лаборатории, наконец, продолжился. Только рассказчик теперь сменился, им стал мой дед.

– Принимали решение мы очень быстро, с нами был Пётр, твой дед, Рита, – продолжал дед, посмотрев на маму Ульяны, – я, Ганс и Сергей с полностью обгоревшей нижней частью тела, но всё ещё в относительно здравом рассудке. Медбрат, коего мы успели выхватить из всей неразберихи на улице, обколол его обезболивающим, но мы понимали, что если Сергей останется в городе, он не выживет.

– И что вы сделали? – спросил я.

– Наш небольшой учёный совет буквально за несколько минут принял непростое решение, – начал уточнять дед.

– Я с Петром остаюсь, а Владимир увозит Сергея, – ответил далее за него Ганс. – Рисковать всем составом учёных, которые разбирались в устройстве ускорителя в Антарске, мы не могли. Поэтому необходимость остаться в городе всем четверым мы исключили. Решили разделиться. Мы не знали, что произойдёт с городом, когда вспышки прекратятся, – подытоживал Ганс. – Потому нужно было в короткие сроки хоть кого-то из нас отправить на свободу за стену.

– Сколько времени они продолжались? – спросил я.

– Несколько дней. Дня два, кажется, – ответил Ганс. – Но я успел за это время, как это говорят в России, методом тыка изучить их свойства. Оказывается, через прозрачную стену покинуть город уже было невозможно – она превращала материю в порошок, а вот если пройти сквозь вспышку, то ещё да – сбежать получится.

– Ого! – искренне удивился я.

– Да! Ума на это много не потребовалось, – продолжил за Ганса дед. – Ганс просто кидал во вспышки кирпичи, привязанные к верёвке, а затем оттаскивал обратно. В прозрачной стене кирпич и канат мгновенно растворялись, а вот во вспышку проходил спокойно. И мы решили рискнуть.

– Решили… – замялся Ганс. – Вывести весь город через вспышки было нельзя, слишком уж они оказались краткосрочны и нестабильны, и, к тому же, должны были скоро прекратиться, а вот спасти несколько человек за раз ещё представлялось возможным.

– Всё так, – кивнул дед.

– Я пообещал Владимиру, – продолжил Ганс, – что как только найду способ спасти город, то верну его обратно, и мы проведём эксперимент вместе. И вот спустя тридцать лет я этот способ нашёл!

– Потрясающе! – выкрикнул я.

– Впоследствии я разобрался и понял, – не останавливал Ганс свой рассказ, – что это на самом деле за сфера такая, и что это были за вспышки на ней.

– И что же? – заинтересовался я.

– Объясняю, – сделал паузу немецкий учёный, выдерживая интригу. – Город исчезал из одного измерения и перемещался в другое. А через вспышки новообразовывающееся пространство как бы пыталось обратно синхронизироваться с настоящим – реальным миром. Только, в итоге, у него это не получилось, и появилась огромная сфера, вырезавшая из вашего мира целый город.

– А почему стена убивает, а не просто не пропускает через себя? – спросил я.

– Она и не должна была стать твёрдым препятствием, – заявил Ганс. – Смотри, Максим, в разных измерениях у одного и того же предмета может быть разная скорость. А при прохождении из одного измерения в другое, меняется сингулярность не только пространства, но и этой скорости.

– Вообще ничего не понятно, – я пожал плечами.

– Смотри, – спокойно сказал он. – Вот, например, обычная шариковая ручка в нашем измерении может покоиться – стоять на месте. А в другом измерении на этом же самом месте двигаться со скоростью несколько тысяч световых лет в секунду. А если измерения наложатся друг на друга, или одно войдёт в другое, то эта самая ручка, пройдя сквозь случайное тело в любом другом измерении, пронзит его как пуля.

Ганса моя глупость нисколько не вывела из себя, и даже не раздосадовала. Он готов был объяснять снова и снова, используя разные подходы, пока не добился от меня полного понимания. Настоящий учёный!

– То есть стена режет материю быстро движущимся пространством реального мира? – наконец-то догадался я.

– Именно! Молекулы вашего мира летают, по отношению к нашему миру, со слишком непривычной вам скоростью. И не просто слишком, а в миллионы, если не в миллиарды раз большей! Поэтому, проходя через стену, вас моментально испепеляет молекулами вашего же мира, только очень сильно разогнанными. Вас убивает не стена, а частички пыли вашего мира, капли дождя, всё, что состоит из молекул, да тот же воздух. Вас режет на части ваш собственный воздух!

– Какой кошмар! – опешил я. – Но зато до меня теперь дошло!

– Я думал, в космосе проблема решится, там же вакуум – полное отсутствие материи, но нет, – продолжил Ганс. – Когда город покинул верхние слои атмосферы Земли, стена убивать не перестала.

– И что это значит? – не переставал я задавать наводящие вопросы.

– Разное. Либо вакуум в космосе не такой уж и вакуумный, и содержит молекулы материи, хоть и немного. Либо сингулярность у измерений пространства настолько отличная друг от друга, что даже абсолютная пустота в вашем мире обладает движением и, как следствие, способностью испепелить любую материю под куполом! Тут я уже не знаю. На границе миров, а сфера как раз и является этой самой границей, скорость вообще неопределима. Это всё тот же принцип гравитационной сингулярности.

– Как всё сложно! – возмутился я. – И главное – не ясно, как вы собираетесь обратно синхронизировать оба измерения, убрать стену и вернуть город в реальность?

– А вот этим мы с Володей как раз скоро займёмся. И поверь – у нас получится, – заявил Ганс. – Я же сумел вас сюда привести, сумею и вывести.

– Но теперь вам надо спасти не только нас, но и весь город! – добавил я.

– Не переживай! Я всё просчитал, я сниму стену с помощью модели Владимира! – уверил меня Ганс. – Точно тебе говорю!

Я прекрасно понимал сейчас, что мой неродной дед сознательно подверг меня смертельной опасности, взяв с собой в исчезнувший город. Неужто он настолько был уверен в себе, раз так поступил? Но, не смотря на сомнения в дедовых намерениях, мой восторг продолжался. Увидеть и услышать такое – дано не каждому. Жилка учёного передалась по генам и мне. Раз сейчас я думал, что ради всего увиденного и услышанного стоило рискнуть даже самым ценным – жизнью. И нисколько не пожалел, что попал в Картанг. Нисколько.

Ой, точнее, в Антарск.

Хотя, какая разница?

– Но эвакуировал из города я не одного Сергея. С ним я вывез отсюда ещё и его семилетнего сына. Твоего отца, Максим, – продолжил основной рассказ дед, как только Ганс закончил давать мне научную консультацию.

Мурашки пробежали по коже. Я понимал, что сейчас услышу самую важную информацию в своей жизни.

Ведь она напрямую касалась моей семьи…

Глава 31

Я обомлел.

– Значит, мой отец видел этот город? – дрожащим голосом спросил я далее.

– Видел, – подтвердил дед. – Только он абсолютно ничего не помнит. В Антарске он, конечно, не родился. Но Сергей его в такое рискованное путешествие всё же взял. Оставить парня в Москве было не с кем, его мать умерла от рака за год до первой командировки Сергея в Антарск. Хотя, почему рискованное? До запуска ускорителя, Антарск был полностью безопасным.

– На одном из моих коллекционных автомобилей, – продолжил Ганс, – Владимир вывез из города твоего родного деда и отца, Максим.

– О да, Ганс тут на проекте зарабатывал прилично. И тратил все деньги на свою главную слабость, – подтвердил дед. – Понапокупал кучу советских машин, которые ему переправили сюда в город. А за месяц до рокового запуска ускорителя осуществил свою основную мечту.

– Заветную мечту, я бы сказал, – продолжил за него немецкий учёный, – «Чайка» 1980 года. Мне доставили её в Антарск на грузовом корабле.

– Мы сейчас автомобили будем обсуждать? – возмутился я.

– Не перебивай, – строго, но любя, выдал дед. – Сергея мы уложили на заднее сиденье. Твой отец сел рядом со мной на переднее. Ганс страховал на выезде из стены. Хаос в городе продолжался, до нас никому не было дела. В лаборатории тогда оставался один Пётр, он руководил ликвидацией аварии. Вспышка на нужном нам месте у трассы возникала всего на несколько секунд. Исчезала и снова возникала. Мы могли погибнуть, потому что влетать в стену нужно было только с разгона. Но Ганс возникновение вспышки идеально просчитал. Мы спаслись. Правда, твой отец почти всё забыл, что здесь с ним произошло, я даже думал, что это вспышка на него повлияла – моментально стёрла память. Может, так оно и было, не знаю. Но на меня переход не подействовал. Возможно, вспышка только у детей до определённого возраста могла уничтожать воспоминания. Понятия не имею. Но твой папа больше даже названия Антарск не помнил. Мы отвезли Сергея в Магадан, оставили в больнице. Я не верил, что он выживет. Не верил и сам Сергей. Тогда мы вдвоём приняли второе роковое решение в нашей жизни. Он попросил меня забрать себе его сына. Он не хотел, чтобы сын остался никому не нужным или попал в детдом, ведь больше у Сергея никаких родных не было. Он же сирота сам, все его родственники погибли в войну, а родители потом тоже умерли рано. Но главное, он не хотел, чтобы сын смотрел, как умирает его отец. Я так и сделал. Я исполнил последнюю волю своего друга. Мы сели с твоим папой, Макс, в самолёт и улетели. Больше мы Сергея никогда не видели. Я вернулся в Москву. На закрытом заседании политбюро я, как единственный выживший учёный из всего города, представил подробный отчёт о том, что случилось в Антарске. Мне, ясное дело, не особо поверили, пока не отправили туда людей и не убедились в том, что город бесследно исчез. На его месте лишь зияла огромная воронка с идеально ровными краями в форме полусферы. Вот так. Всю информацию о городе, конечно же, засекретили в кратчайшие сроки.

Дрожь во всём моём теле не прекращалась.

– Я усыновил твоего отца, – продолжал дед, глядя на меня. – Сделал ему новые документы, дал свою фамилию. И с «Чайкой» Ганса, кстати, потом долго не расставался. Умудрился переправить её из Магадана на военном самолёте и оформить на себя. Около двух лет я прожил в Москве со своей мамой и новым членом семьи, которого мама очень тепло приняла в наш дом. Отца своего я никогда не знал, а мать была для меня всем. Стала она всем и для сына Сергея, а точнее, уже для моего сына. Трагедия в Чернобыле отвлекла советский народ от происшествия в Антарске. Про исчезнувший город как-то быстро забыли. Да и не знали о

нём особо ничего. В газетах про Антарск хоть и писалось, но немного и очень расплывчато. Ни слова об ускорителе. Помню только, что речь там шла о новом виде энергии, которая не только заменит в скором времени нефть, но и атом. Похоже было разве что на сказку. Потом в новых статьях также тихо всё замяли, написав, что эксперимент в Антарске провалился и проект закрыли. О том, что город исчез, а на его месте образовалась воронка, конечно, ни слова сказано не было. Эти сведения поступали в период ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. А спустя несколько лет все статьи про Антарск были тихо изъяты из архивов и библиотек и уничтожены.

– «Вот почему Ваня ничего не нашёл, – пронеслось у меня в голове, – понятно!»

– Мне даже тогда казалось, – продолжил дед, – что власти страны специально подстроили крушение четвертого реактора на АЭС в Припяти, чтобы скрыть трагедию в Антарске, искусственно переведя всё внимание общественности в нужное им русло. Но потом я полностью отбросил эти нелепые мысли, – дед напряженно выдохнул.

– Дальше, – вполголоса проговорил я.

– Два года я жил относительно спокойно, но всё это время меня не покидала мысль, что КГБ так просто от меня не отстанет. И на свободе оставит вряд ли. А может – и в живых. Да, ещё тогда в 86-м я подписал кучу разных соглашений о неразглашении, обещая никому ничего не говорить под страхом смерти. Чуть ни на Конституции в этом клялся. Выдержал три допроса на Лубянке. Тогда чудом пронесло. Но я не верил. Не верил в свою удачу. Единственный живой свидетель всех событий. Таких, как я, как правило, в итоге хладнокровно ликвидируют, подстраивая несчастный случай. Я даже за хлебом долго выходил с опаской и оглядывался. В науке больше не работал, жили мы втроём на мамину пенсию и вроде хватало. И вот в 88-м году мои опасения подтвердились. Тучи надо мной вдруг стали сгущаться. Как раз чуть ли ни через неделю после, якобы, самоубийства Легасова, знакомые из учёных кругов, благо их у меня оставалось немало, сообщили мне, что меня собираются арестовать. Я понял, что правительство СССР начало зачищать следы обеих крупных катастроф: Чернобыля и Антарска. И мне конец, если я останусь в СССР. Пришлось быстро собираться и бежать из страны. Я не смог взять с собой твоего отца, Максим, хоть и сильно хотел, и он остался с бабушкой в Москве. А я на «Чайке» отправился в Белоруссию, на тот момент ещё республику в составе Союза, а оттуда в Польшу. Талант переправлять машины через границу как раз тогда у меня и проявился. Казалось, это было невозможно – сбежать на машине из СССР. Но нет ничего невозможного. Из-за Перестройки всё в Союзе катилось к чертям, и границы уже тогда почти не охраняли. И я смог окольной тропой проехать в соседнее европейское государство. Так я остался жив и не отправился в тюрьму.

Я потерял дар речи, сидел замерев, даже дрожать перестал.

– Из Польши я связался по телефону с датскими учёными, огромное спасибо Гансу, который меня с ними познакомил ещё в 84-м, – продолжил дед. – Над ускорителем в Антарске они не работали, потому и остались живы. Хотя Ганс пытался их привлечь. Правда, безрезультатно. Но, тем не менее, Ганса они сильно уважали. Поэтому и мне, как его близкому другу, согласились помочь. Уже через неделю они мне оформили спец-визу, как бы объяснить, что это такое. Шенгенское соглашение тогда принято ещё не было, но эта виза давала мне возможность беспрепятственно путешествовать по всей Европе в течение десяти лет! Датские коллеги её себе тоже сделали и активно пользовались, так как занимали высокое положение в обществе, и мне оформили по доброте душевной, а для общих масс виза была неизвестна. А также датчане помогли беспрепятственно обменять мои советские рубли на валюту. С ума сойти, если так подумать. И вскоре я уже колесил на «Чайке» по Польше, Чехии, Германии, затем Бельгии, и даже добрался до Франции. Доллары потом менять на деньги других стран не было проблемой. И я… – дед помедлил, – я почувствовал тогда такой пьянящий запах свободы, что никак не мог остановиться на какой-либо одной стране. Хотел посмотреть всю Европу цели-

ком. Правда, недолго длилось моё счастье. В Италии редкий советский автомобиль пришлось продать, так как денежные накопления стали заканчиваться. Там я и задержался почти на год, пока не закрепился в новой профессии. Уже в Италии я начал подрабатывать перегонами. Набирать знакомства и надёжных клиентов. И настолько проникся дорожной романтикой, что сфера моих услуг быстро расширилась на другие Европейские страны. В общем, прожил я в Европе почти девять лет, то тут, то там, то снимал квартиру, то ютился в гостиницах, то вообще спал в автомобиле. Как правило, в какую страну я перегонял машину для заказчика, в той в итоге и оставался, и искал новые заказы уже там. По ходу дела учил языки. Денег стало хватать. И не только на меня одного. В 90-е, когда Союз рухнул и правительство в Кремле полностью сменилось, я стал часто и абсолютно беспрепятственно звонить домой в Москву. Делать этого я уже не боялся. Бывало, часами говорил с твоим отцом, половина моего заработка тогда уходила на телефонные разговоры. А другую половину я отправлял им с мамой в Москву. Я до последнего не мог себе простить, что не забрал тогда сына с собой. Бросил его. Но что поделать – не позволили обстоятельства, потому я искупал вину перед ним хотя бы телефонными разговорами и денежными переводами через почту. В 94-м я надолго осел в Австрии и как мог уговаривал сына переехать к себе. Но тот не соглашался. Он уже привык к жизни с бабушкой. Привык к своей школе, одноклассникам и вообще к Москве. Не хотел ничего менять. Правда, это не мешало нашим тёплым отношениям. По телефону я помогал ему с уроками, из-за чего твой отец каждый учебный год заканчивал круглым отличником. За это время он стал для меня действительно родным. Хоть и на расстоянии. Хоть я его и не видел. Жаль, что сейчас отношения ухудшились.

За столом молчали все, но Заботин всё же встрял с вопросом:

– Интересно, почему КГБ в конце 80-х не шантажировало тебя родственниками, они же остались в Москве?

– А как они бы это сделали? – усмехнулся дед. – Чтобы меня шантажировать, нужно было как-то со мной связаться, а это практически невозможно. Да и поймать меня по всей Европе тоже стало нереально. К тому же, я подстраховался. Я был готов в случае опасности подарить все свои знания любому врагу СССР, а потом уже и России. Тому же НАТО. Уверен, спецслужбы не могли не догадываться, что я на такое способен, потому не трогали мою семью.

Заботин, удовлетворенный ответом, замолчал тоже. Дед продолжил:

– В 97-м в Москве умерла моя мать, и мне, как бы того не не хотелось, пришлось вернуться на Родину, – продолжил дед. – Нельзя было оставлять твоего отца одного. Да и срок действия чудо-визы у меня уже почти истёк. Правда, я уже не боялся не только звонить, но и появиться в России лично. Новая страна. Новая власть. Горбачёвское правительство распалось целиком, все, кто меня знал на верхах и присутствовал тогда на моём отчёте по аварии в Антарске в 86-м году, уже абсолютно не имели веса во властных кругах. А многие и умерли. Ельцину же до меня не было никакого дела. Да и никому вообще. КГБ полностью расформирован и создана совершенно иная служба безопасности. Ещё я узнал от коллег, что вначале 90-х часть архивов КГБ была разграблена, и, вроде бы, там также потерялась информация про Антарск вместе со всеми важными данными: именами учёных и прочим. То есть, я полностью исчез с радаров нового государства и обрёл долгожданное спокойствие. Твой отец к моему возвращению уже заканчивал 11-ый класс, я помог ему сдать экзамены и поступить в Бауманку. Жили мы потом вдвоём в маминой московской квартире. Я продолжил работать перегонщиком, а твой папа рано женился – уже на третьем курсе на одногруппнице. Но к тому моменту я накопил достаточно денег, чтобы купить себе недорогую квартиру в Чехове, а московскую оставить молодожёнам. Через год у них появился ты, Максим. Ну, а дальше ты знаешь!

Дед закончил. Воцарилась гробовая тишина. Его рассказ потряс меня до глубины души, я не знал, что сказать. Зато Ульяна знала:

– Офигеть! Вот это история! – тут же вырвалось у неё. – Я в шоке! У-у-ух…

– Согласен, дико круто! – заявил с экрана планшета Алексей. Точно. Он же тоже всё слышал. Конференцию Ульяна не отключала.

Сейчас я особенно был рад тому, что эту историю услышали все здесь присутствующие. И даже дети на той стороне интернета. Их она хотя бы отвлекла от мрачных мыслей о создавшемся положении, ослабила стресс, неплохо же. Уверен, история деда пробрала если не прямо до глубины души, то хотя бы немного, не только меня. Но и Заботина. Риту. Людей вокруг. Ульянину банду в планшете. И особенно саму Ульяну, она об этом и заявила только что, которая у меня обо мне практически ничего ранее не спрашивала. А зря. Очень непредусмотрительно с её стороны. Опрометчиво даже. Особенно для лидера целой группировки, от которой зависит судьба всех её подданных. Ей хватило тогда того, что я, будучи нефантомом, беспрепятственно прошёл через стену, чтобы заинтересоваться мной. Ладно. Но чтобы сразу довериться мне, этого мало. Как и мало одной её ненависти к городу и желания выйти за стену. Что именно побудило её проявить ко мне такое доверие ещё там, в штабе, и даже не выведать конкретно, кто мы, откуда и зачем на самом деле припёрлись в этот город, я пока не знал. Зато теперь она невольно хоть что-то, да узнала про меня и моего деда. И то хорошо.

– Но всё это время мне было не по себе, ведь пока я наслаждался свободой, вы жили взаперти. А так неправильно. Так быть не должно, – заканчивал дед, обращаясь уже ко всем собравшимся здесь горожанам. – Я верил, нет, я был полностью уверен в том, что Ганс обязательно найдёт выход из города. Знал, что он додумается, как спасти оставшихся в нём людей. Спасти вас. Знал, что когда это произойдет, он позовёт меня на помощь, и мы освободим вас вместе. И вот я дождался… – Он опустил голову. – Только вот уезжал я из Антарска, а приехал в Картанг.

– Мы приехали, – сухо уточнил я.

– Да, теоретически, выход я нашёл, но без твоих мозгов, Володь, с осуществлением задуманного мне не справиться, – добавил Ганс.

– Так ты знал сразу, что это письмо – приглашение от Ганса? – спросил я.

– Да, догадался… – признался дед, – только не совсем от Ганса. Стиль письма я бы не перепутал ни с каким другим. Это стиль твоего родного деда – Сергея. Это были его письма. Я не верил, что он выжил. Никак не мог поверить, но оказалось, что это так! Правда, потом я подумал, что он уже в городе. Что Ганс вернул его в Антарск раньше, раз именно Сергей мне писал. Нам писал, Максим. Я собирался вас здесь познакомить! Но и сомневался тоже. Я не хотел рисковать твоей жизнью. Правда, не хотел, но и не брать тебя в Картанг было нельзя, ты бы обиделся на меня за такое. И, возможно, обиделся навсегда. Мы же команда, ни одного перегона уже несколько лет без тебя не проходит. Но и рассказать тебе всю правду слишком рано тоже было бы неправильно! Я думал три дня, не находил себе места. Но всё же решился взять тебя с собой.

Вот и разрешилось! Супер, подумал я. Я только что узнал всё, что хотел, про тот роковой день, когда взял в руки загадочное письмо.

Тайное стало явным.

– Папа сейчас в Магадане, он звонил мне недавно. К сожалению, Сергей Валентинович умер несколько дней назад, – добавил я.

– Да? – переспросил дед, нотки грусти промелькнули в этом коротком слове.

– Да… – подтвердил я.

– Так и не дождался ни меня, ни тебя… – Мне показалось, что дед вот-вот заплачет, но он сдержался. – Жаль. Я так хотел увидеть его. Я думал встретить его здесь.

– К сожалению, – вмешался Ганс, – в город он не вернулся. Но нашёл я его раньше, чем тебя, Володь. Связался с ним через одно нехитрое устройство, которое я вам скоро покажу. Привести вас в город было сложной задачей, но, тем не менее, вы здесь! Значит, удача на моей стороне! Жалко только, что из ведущих учёных проекта в живых осталось только двое. – Ганс

включил прагматика. – Остальных троих: Петра, Мишу и Сергея, надо будет кем-то заменить. Мы вдвоём с Владимиром с руководством на таком крупном объекте не справимся.

– Сергея заменит мой внук, – улыбнулся дед. – Не зря же я его столько лет к этому готовил!

– Я?! – Сейчас мои глаза стали величиной с две планеты. – У меня же школьный уровень!

– Но-но! – возразил дед. – Я же чему тебя только не обучил! Очень многому! И уровень твой далеко не школьный. Коллайдер не такая уж сложная установка, чтобы ты не выучил его устройство за несколько недель.

– То есть, выбора у меня нет? – занервничал я.

– Есть, но я знаю твой потенциал, Максим. Генетика хорошая. И твоё рвение к познанию неизведанного тут как раз будет в помощь, – начал убеждать дед. – В тебе есть жилка учёного. Я же вижу, как ты любишь задавать сложные вопросы и не боишься получить на них ответы. Всегда любил. У тебя всё получится. Я верю в тебя! Твой настоящий дед собрал это устройство, а ты его восстановишь!

– Ладно, ладно, я же хочу спасти людей. Попробую. Куда деваться. Уговорили! – тут же согласился я. – Только строго не судите, если что…

– Не бойся, Максим, – поддержал меня Ганс. – Я тоже поучаствую в твоём обучении. Поверь мне, я вполне себе хороший преподаватель.

– Не сомневаюсь, – кивнул я.

– Отлично! Но осталось ещё кое-что, – проговорил в рацию Ганс. – Кто заменит Петра и Мишу? Сфера деятельности на объекте у них была примерно одинаковая, так что хватит одного человека на замену обоих.

– Наверное, я. – Рита поднялась с места. – Как назвал меня Максим, внучка-самоучка, – усмехнулась она следом.

Я грозно посмотрел на Ульяну и провёл большим пальцем по своему горлу. Зря она это прозвище передала маме. Ой, зря. Но девочка только мило улыбнулась.

– Дед тоже многому меня обучил. К тому же, если я не соглашусь, Ульяна вряд ли даст кому-нибудь ещё дневник деда, а без него ни я, ни кто-либо другой точно с ускорителем не справится, – закончила Рита.

– Не волнуйтесь, – продолжил Ганс. – Здесь у меня на втором уровне полно документации по проекту. Все научные разработки ещё тех времён в целости и сохранности. Плюс и мои наработки по изучению сферы, «синего зеркала», смещений в пространстве, фантомного мира и прочих аномалий в городе за последние двадцать лет. Вам хватит материала, чтобы быстро всё освоить. Гарантирую это.

– Ганс тут немного преувеличивает, – поправил его дед. – Рита, Максим, в квантовую механику вам можно будет с головой не углубляться, если только сами того не пожелаете. От вас лишь потребуется освоение исключительно технической части: чертежей оборудования, планов сборки ускорителя, назначения устройств. Иными словами, вы должны изучить, что с чем стыковать, что во что вставлять, что к чему подключать и как запускать, чтобы это заработало. Не бойтесь, мы с Гансом всё вам наглядно покажем и расскажем. И научим вас командовать остальными.

– Дневник лучше! – заявила Ульяна. – Я прочитала его от корки до корки раз двадцать и многое поняла!

– Ну, раз тринадцатилетняя девочка многое поняла в ядерной физике и квантовой механике, благодаря заметкам Петра, то он действительно был гениальный учёный, – сказал дед, и все собравшиеся за столом дружно засмеялись. Что интересно, улыбнулся даже генерал Заботин. На это короткое время, пока мы слушали историю деда и обсуждали эксперимент, мы совсем забыли об опасности, нависшей над нами. Забыли про детей, которые по приказу Ульяны выстроились вдоль стены, готовые в любой момент в неё прыгнуть. Забыли про сол-

дат Заботина, которые могли бы помешать всему нашему предприятию. Мы стали маленькой сплочённой командой? Неужели?

– Ладно! – Тут генерал Заботин резко встал с места. – Вы, я смотрю, уже тут распределять обязанности начали. Не рано? Но сделаем мы так…

До этого момента в беседу он не вмешивался.

– Не рано! – выпалила Ульяна. – Ты знаешь мои условия!

– Знаю! – фыркнул генерал. – Знаю. Но я не верю, девочка, что ты отдашь свой приказ. Не верю, что ты собственноручно отправишь своих же людей на смерть. Год назад ты не была напрямую виновата в гибели подростков, ладно, признаю, уговорила, но сейчас будешь. Сейчас точно будешь. И тебе потом придётся с этим жить, и поверь мне, это будет невыносимо. Они тебе ночью в кошмарах начнут являться. А днём все убитые тобой как живые перед глазами будут стоять. Я знаю, что говорю. Я знаю, каково это, я был в горячих точках. Я принимал подобные решения. Но ты… нет. У тебя пока духу не хватит. Но я верю в другое, – помедлил он, поправив очки, – верю, что ты способна создать хаос. Полный и всеобъемлющий. Невольно, неосознанно, но способна. И я уже, было дело, убеждался в этом. А новый хаос будет гораздо хуже того, что ты тут устраивала раньше. Вот это ты сделаешь точно. И я вряд ли теперь после всех твоих очередных опрометчивых действий смогу быстро успокоить людей.

Что имел в виду Заботин и что было год назад, я пока, конечно, не знал. А спрашивать об этом сейчас было не слишком благоразумно. Я промолчал.

– И что же ты решил? – Ульяна продолжала допрос за нас за всех.

– Завтра я организую на главной площади городское собрание. Там мы расскажем обо всех последних событиях, случившихся в городе, и объявим о том, что мы здесь задумали. Объявим открыто всем жителям Картанга. Всем и каждому. Предупреждаю, явиться должны все. Ну, кроме фантомов. Я лично прослежу за этим. Там же устроим голосование. И если все горожане проголосуют за эксперимент, мы разрешим вам его провести. Но решение должно быть единогласным!

– Можно сообщить жителям о собрании заранее? – спросила Рита.

– Сообщайте, – кивнул генерал. – Оповещайте всех, кого сможете. Но и мои люди также оповестят граждан по нашим каналам. Это собрание решит всё. У всех вас, сидящих за этим столом, включая и Ганса, там будет слово. Я вам его дам. Обещаю. Готовьтесь аргументировать свою позицию. Убеждать народ в своей правоте. Я же буду вашим оппонентом. Но если вы победите, выиграете голосование, так и быть, против воли народа я не пойду.

– Еще бы ты пошёл! – заявила Ульяна. – Мои друзья не двинутся с места до завтрашнего дня, мало ли что ты там задумал!

– Я ничего не задумал. Я признаю, что сейчас в меньшинстве. Но я сделаю всё на благо наших жителей. Клянусь. Как и делал все эти тридцать лет. Я защищал их и буду защищать. Но сейчас, так и быть, прислушаюсь к их мнению, если придётся. А насчёт эксперимента… Я просто боюсь того, что прячется на третьем уровне. Того, что пыталось выбраться из «зеркала». Это нечто вполне способно уничтожить город. Я знаю. Я ведь там был. Я видел его, этого монстра. Никто из них не был, – он обвёл рукой собравшихся в парке людей, – а я был.

– Мы тоже были, – опроверг его Ганс. – Что-то видели, да, но не сказать, что оно прямо таки внушало ужас.

– И я это видел, правда, на снимках и очень расплывчато, – вмешался дед, сказав это с явным скепсисом. – Только подождите. До этого «зеркало» питалось энергией ускорителя. Точнее, возникало, когда частицы ускорялись. А сейчас, как я понял, субстанция приобрела автономию? – Он резко отошёл от темы, обратившись с этим вопросом к Гансу.

– Верно! – одобрил Ганс. – Но есть вероятность того, что когда мы откроем сферу, энергия рассеется.

– То есть повторный запуск ускорителя необходим для открытия титановой сферы? – спросила Рита.

– И для открытия сферы и для снятия стены, – уточнил Ганс. – Два эксперимента в целом надо будет проводить. Но что касаемо сферы… она прячет колоссальную энергию внутри себя. Проектировал её как раз Пётр вместе с американцами, но раз теперь сферу удерживает в запертом состоянии «синее зеркало», открыть её способен только Владимир по своей модели. И больше никто. За этим он здесь: чтобы открыть сферу, а потом провести основной эксперимент.

– Потрясающе! – иронично улыбнулась мать Ульяны. – То есть без вас, Владимир Николаевич, мы бы не выбрались отсюда в любом случае?

– К сожалению, это так. Свои разработки я тогда тридцать лет назад Гансу не оставил, а увёз с собой, – признался мой дед.

– Это было частью нашего договора! – дополнил Ганс.

– Но мы не знаем одного, вылезло ли это что-то тогда из «зеркала» полностью? И не прячется ли оно сейчас на третьем уровне? – продолжал Заботин.

– Не знаем, но если не уничтожить «зеркало», стена не исчезнет. Возможно, полностью открывать сферу не потребуется. Посмотрим по ходу дела. Но я тебе гарантирую, Валентин, людей мы спасём! – Ганс оставался непреклонен.

– Тогда до завтра! – заканчивал столь долгую беседу Заботин. – Завтра всё и решим. Приходите на площадь в три часа дня. Город к тому времени я оповещу.

– Поняли, ребят? – За это время связь с детьми у стены Ульяна так и не отключила. Так что они слышали всё, не только историю моего деда. – Держимся до трёх часов завтрашнего дня, и даже не думайте уходить! Если вы уйдёте, родители вас дома закроют потом и больше не выпустят. Так что сидим там всю ночь, понятно? Спите по очереди, дежурьте, но не уходите. Ничего ещё не закончилось! И если кто-то приблизится к вам ближе, чем на 10 метров, вы знаете, что делать. – Мальчики и девочки на экране одобрительно кивнули. Ульяна отключила планшет и вернула его вместе со списком суицидников обратно в сумку.

– Это всё, конечно, прекрасно, но в ближайшие дни вам ещё нужно будет меня освободить! – перебил всех Ганс.

– Освободить? – удивился я. – Разве вы не заперли себя изнутри?

– Запер, – подтвердил Ганс. – Но открыть эту дверь теперь можно только снаружи.

– Супер! – бросил я сарказм. – И как нам это сделать?

– Объясню позже. Для этого достаточно услуг двух человек, не будем нагружать такой мелкой проблемой остальных.

– Хорошо. Но ещё один важный вопрос так и остаётся открытым. – Я встал из-за стола и обратился не столько к сидящим за ним людям, сколько к остальным, собравшимся на всей территории больницы. – Скажите, кто же всё-таки спёр наш автомобиль?

Нависла тишина, которую прервал голос из рации.

– Похоже, пришла пора признаться, – пробурчал в неё Ганс. – Это сделал я!

Глава 32

– Но зачем? – вопрос возник у меня сам собой.

– Зачем? – недоумённо ответил немец. – Я банально испугался. Всё ведь пошло не по плану, когда Владимир неудачно приземлился в «доках».

Ульяна резко опустила глаза.

– И я забрал машину, так как побоялся, что ты уедешь отсюда один, Максим, – продолжил Ганс. – Пусть не насовсем, а только за помощью на большую землю, но я и этого не мог допустить. Ведь тебя бы ждала тогда встреча со стеной, а дальше бум-ц, и «здрасьте, приехали».

– Но я же водить не умею! – выкрикнул я.

– А я-то этого тогда не знал! Я же не всевидящий! Но подстраховаться должен был, и сохранить автомобиль тоже, потому что он представляет ценность.

– А если бы всё пошло по плану? – спросил я.

– В таком случае, дальше вы бы нашли следующее письмо в «доках» у робота, – добавил Ганс.

– Вот это письмо, – сказала Ульяна виноватым голосом, затем извлекла из сумки конверт и протянула мне.

– Но как… – я с недоумением посмотрел на девочку.

– Позже объясню, – ответил она, но глаза не поднимала.

– Так, друзья, – остановил меня Ганс, как только я собрался вскрыть конверт. – Дальше нашу беседу предлагаю продолжить наедине. Тут мы вроде пока что смогли, утрясли. Поэтому, всё. Максим, спускайся с дедом на первый уровень!

– Стоять! – вмешался Заботин. – Пока весь город не даст согласие на повторный эксперимент, освобождать Ганса вы не будете!

– А и не надо пока, – успокоил его немецкий учёный. – Я просто объясню, как это сделать. Освободите позже, – в голосе из рации слышался сарказм.

– Тогда идите… – смирился генерал.

– Мама, можно я пойду с Максимом? – Девочка бросила на мать умоляющий взгляд. – Я ужасно хочу увидеть лабораторию Ганса!

Рита растерянно посмотрела по очереди на меня и моего деда, но её сомнения развеял Ганс:

– Пусть идёт. Первый уровень не опасен, не бойтесь. Всё, что там могло взорваться, уже давно взорвалось, так что не переживайте, – опять пошутил в своей манере немец.

– Я не буду против! – интуитивно поняв, что моё слово в этом вопросе решающее, сказал я.

– Хорошо, – спустя несколько секунд раздумий ответила Рита. – Но, Ульяна, будь осторожней!

– Да, мама!

– Ладно, тогда мы с отцом поехали, – подытожила Рита. – Оля долго с Настей сидеть не будет!

Море вопросов ещё оставалось без ответов. Например, куда и как Ганс спрятал автомобиль, если он не может выбраться со второго уровня? Кстати, этот вопрос пока был для меня основным. Но всему своё время.

Неразговорчивый муж Риты сделал издалека знак рукой, и супруга проследовала за ним к машине. Родители Ульяны забрались в свой микроавтобус и покинули место переговоров. Заботин ещё какое-то время сидел за столом, но потом медленно встал.

– Валентин Иванович, – остановила его Ульяна. Генерал обернулся. – Помните, одно неверное движение с вашей стороны, я подключаю родителей к конференции, и они узнают,

что их дети сегодня ночуют не в штабе! – она всё никак не могла насладиться своим превосходством. – Я вам устрою такой хаос, что вы и представить себе не сможете! – зато девочка хоть, наконец, перешла на «вы» с Заботиным. Уже хорошо, хоть не до конца усугубляла положение.

– Верю я, верю! – фыркнул генерал, а потом с гордым видом, не попрощавшись, развернулся, прошагал по парку, забрался в «Волгу» и уехал.

Народ стал постепенно расходиться. Что же, кое-чего мы сегодня добились. Немногого, но хоть чего-то! Главное, пока обошлось без прямого конфликта с народом или военными, потасовок, и, тем более, жертв. Никто не наделал глупостей. Неужели? Ульяна осталась с нами, сумка при ней. Из парадного входа больницы вышел лечащий врач деда.

– Пойдёмте, – сказал он. – Я вас отведу.

Врач, как мне показалось по этой его фразе, слышал всё, что здесь происходило, но не покидал лечебного заведения. Может, просто стоял незаметно у ближайшего окна на первом этаже, оттуда слышимость была вполне неплохая. И вышел, когда понял, что пора. Только не понятно, на чьей он был стороне. Правда, встать с места моему деду он помог, и тот, опираясь на врача, поковылял обратно в корпус больницы.

– Ганс, а зачем нам снова идти на первый уровень? – смутился я. – Опасность же вроде миновала.

– Так машину-то я должен вам вернуть. Неудобно как-то. Там ваши вещи!

– А, точно! Совсем забыл. Тогда ладно, – согласился я.

Машину мне, и правда, хотелось уже поскорее увидеть, соскучился по ней, как по родной. Удивительно.

– Прости, Максим, что не рассказал всё раньше. Про тебя, меня и город. Если я скажу сейчас, что готовил тебя всю твою жизнь к этой миссии, это прозвучит как-то мерзко и даже цинично, но в некотором смысле всё именно так! – заговорил мой дед.

– Почему я? – сухо задал я вопрос.

– На твоём месте должен был быть твой отец, но сам понимаешь, отношения у нас с ним теперь не очень. Поэтому я готовил тебя, обучал, чтобы ты стал как твой настоящий дед. Я думал, что он умер. Но он каким-то образом выжил, удивительно!

Я промолчал.

– Я… я думал это, ну… всё это произойдёт позже, когда ты закончишь Бауманку, когда станешь взрослым. Но, тем не менее, изначально был начеку и развивал тебя, Максим, с раннего детства, как мог. Оказалось – не зря. Ганс призвал нас раньше, – закончил дед.

– Ладно. Раз мы здесь, это уже не важно, – подытожил я. – Я готов ко всему, что меня ждет. Знай это, дед.

– Прекрасно, – добавил он.

Девочка подошла ко мне с правой стороны и взяла за руку.

– Ульяна, скажи мне, зачем ты спрятала письмо? – строго спросил её я.

– Эм-м-м… – замешкалась она. – Нет, только не подумай, я не хотела вам помешать. Мы вообще всего этого не хотели, – она кивнула на гипс на ноге моего деда, – так получилось… Просто… просто этот робот такой забавный. Он, кстати, мог не только крутить головой, но и двигать руками. Правда, они сейчас, кажется, сломались.

– Ты не ответила на вопрос! – фыркнул я.

– Письмо мы не крали! Не крали, честно! – девочка повысила голос. – Мы нашли его позже, и я спрятала его у себя…

– Зачем?

– Чтобы сохранить, а потом отдать тебе, только и всего. Но позже я о нём напрочь забыла! Прости, Максим! Прости! Я такая дура…

Я многозначительно промолчал.

Когда мы уже находились в подвале, Ульяна осторожно перегородила нам путь, встав перед моим дедом.

– Владимир Николаевич, – начала она, её голос дрожал. – Простите меня, пожалуйста, это я виновата в том, что вы сломали ногу. Это я вас разыграла и управляла тем манекеном тогда…

– Ты?! – опешил я. – А как же Антон?

– Не было там никакого Антона! Я тебе соврала! Это сделала я! Я! Простите! Простите меня! – она опять умоляюще посмотрела на моего деда.

– Так, а зачем ты это скрывала? – не понял я.

– Максим, если бы я сказала тебе раньше, ты бы меня возненавидел!

– Ну, возненавидел бы вряд ли, конечно, – сходу нашёлся я. – Но не обрадовался бы точно!

– Вот именно! Я и сейчас не знаю, что ты мне на это ответишь, но скрывать больше не могу…

– Ульяна, слушай, я тебя не ненавижу точно! – утвердительно сказал я.

– Уф… спасибо, – на выдохе ответила девочка.

– И, тем не менее, – я продолжил мягко её журить. – В следующий раз знай, правду говорить нужно сразу, какой бы неприятной она ни была! К тому же, там, в «доках», девчачий смех я хорошо запомнил. Понятно теперь, кто это смеялся, – я улыбнулся.

Мы с дедом видели, что девочка вот-вот заплачет, и дед добавил и от себя:

– Ульяна, ты ни в чём не виновата, поверь, – сказал он. – Я провалился ногой в яму чуть позже твоего розыгрыша. Тогда манекеном ты больше Максима напугала, чем меня, – дед иронично посмотрел в мою сторону.

– Было дело, – признался я.

Ульяна хихикнула сквозь невольно скатившиеся слёзы.

– Но если ты считаешь себя виноватой, – подводил итог дед. – То знай, я тебя прощаю и зла не держу! Нисколько!

– Спасибо! – с облегчением выдохнула девочка и прижалась щекой к плечу моего деда, немного промочив его слезами. – Спасибо!

– Хулиганка! – напоследок усмехнулся я, обрадовавшись, что хотя бы этот вопрос был закрыт.

– И двигать он мог не только руками! Этот механический робот собран мной! – прервал наш трогательный разговор Ганс. – Кстати, он вам ещё понадобится!

– Манекен – робот?! – удивился я.

– Робот! – подхватил дед. – Ганс не только хороший учёный, но и талантливый конструктор, изобретатель и гений робототехники! В его руках оживали такие сложные механизмы, что порой мозг сворачивало.

– Это просто моё хобби, – поскромничал немец.

– Часть своих изобретений он показывал мне ещё тогда, когда я мотался в только-только строящийся Антарск, – добавил дед. – Кстати, твои роботы-паучки ещё целы? – обратился он к Гансу.

Дед передвигался медленно, но за разговором мы и не заметили, как добрались до двери на первый уровень лаборатории. Там врач нас оставил. Спускаться по лестнице вниз помогал деду уже я.

– Паучки целы. И те старые, которые ты уже видел, но я ещё новых собрал, – ответил Ганс. – Без них я тут как без рук. Они доставляют по городу мои письма через вентиляцию! В том числе и то письмо, что спрятала Ульяна, тоже доставили в «доки» они. И ещё много чего делают!

О чём шла речь, мне пока не было понятно, но я наделся скоро всё увидеть своими глазами.

– А робот в «доках» случайно не тот, что находился тогда на главной площади города? – спросил дед.

– Тот! Узнал, да? – обрадовался Ганс. – Правда, саму конструкцию горожане уже давно разломали на металлолом! Но роботов не тронули. Ну, как не тронули. Тронули бы, но дети тогда их так сильно любили, что спасли: утащили ночью, и нашли им другое применение.

– Сразу же сломали? Ну, после аварии? – поинтересовался дед.

– Нет. Года через три, вроде, не помню. Но эта композиция жителям сильно обо мне напоминала. А меня они, ну… сам понимаешь. И хоть терпели её долго, но разрушили в итоге, не выдержали.

– Дед, о чём вы? – вмешался я.

– О-о-о! – воодушевился дед. – Это чудо показал мне Ганс ещё во время моей первой экскурсии по городу, – начал пояснять он мне далее. – Такая композиция из трёх движущихся фигур и множества других только уже неподвижных декораций. Она прямо в центре главной площади Антарска находилась. Я уже отчасти забыл, что делали роботы, но кем они были, помню хорошо. Пожарный, шахтёр и…

– Машинист паровоза! – закончил за него Ганс.

– Да! Именно! Я тогда так поразился, – продолжил дед. – Пожарный в центре композиции, он венчал фонтан, а вода, как не сложно догадаться, поступала в круглый бассейн фонтана из пожарного шланга. Периодически робот отключал подачу и, делая вид, что у него перекур, спускался по лестнице с пьедестала и прохаживался с папиросой в зубах по краю бассейна.

– Пожарный с папиросой? – улыбнулся я.

– Именно! Это выглядело так смешно! – продолжал дед. – Вторая фигура – шахтёр. Чуть поодаль от фонтана были собраны декорации и для него. Он пересыпал лопатой уголь из тачки в вагонетку, затем якобы натыкался на динамит, испуганно подкидывал его в руках, затем ронял, – дед начал откровенно смеяться, – а после, когда понимал, что динамит не сработал, с невозмутимым видом пинал его в сторону от себя. Затем механизм возвращал все детали в исходное положение, и спектакль начинался вновь. У кукол Ганс идеально проработал лица, они даже могли выражать эмоции!

– Надо же! – выдал я. Мы уже шли по вентиляционной шахте. – А машинист?

– Машинист дополнял всю композицию. Шахтёра и пожарного окружала декоративная железная дорога. По ней и ездил паровоз с машинистом. Только что делал машинист ещё, я, к сожалению, не помню…

– Я и сам забыл уже, – усмехнулся Ганс.

– Всё это чудо было собрано Гансом вручную и работало с помощью пружин и шестерёнок, – сказал дед.

– Обалдеть! Ганс, вы случайно не родственник Ганса Форальберга? – усмехнулся я, вспомнив популярную компьютерную игру двухтысячных – «Сибирь».

– Кого? – не понял учёный.

– Кого? – повторила его вопрос Ульяна.

– Ладно, не важно! – хихикнув, закрыл я тему.

– Ганс сконструировал эту прелесть ещё когда работал в Дании. А потом на корабле переправил всё в Антарск, – добавил дед. – Композиция стала главной достопримечательностью города.

– Главной? Ну да, конечно. Не считая четырёх огромных ветрогенераторов и многокилометровой подземной лаборатории, – бросил я иронию.

Погружение в воспоминания резко закончилось, когда мы, наконец, достигли тоннеля ускорителя.

– Как здесь потрясающе! – подала восторженный голос Ульяна.

– Да, но, думаю, нечто подобное находится и за гермодверью у твоего штаба, – добавил я.

– А эти большие непонятные коробки – части ускорителя? – спросила Ульяна, глядя на огромное оборудование.

– Они самые, девочка, – ответил Ганс.

– Я их уже видела, – спокойно продолжила она. – Вот! – Ульяна изъяла из сумки своё самое ценное сокровище – дневник прадеда и открыла где-то посередине. В зарисовках Петра я узнал несколько устройств, что сейчас стояли перед нами.

– Этот дневник и поможет твоей маме собрать ускоритель, надеюсь, – сказал Ганс. – Но не будем отвлекаться. Садитесь в транспортировщик и следуйте к первому сектору.

Как добраться до транспортировщика я помнил. Мы прошли через большую дверь во вспомогательный тоннель. Только сейчас, находясь внутри, я заметил, что загнал пару часов назад транспортировщик на небольшой поворотный круг в самом конце тоннеля. Тогда у меня не было ни желания, ни возможности углядеть такую очевидную деталь. Слишком спешил в больницу к деду.

– Рычагом, тем, что справа, разверни машину. Механизм ещё работает, не бойся, – прокомментировал увиденное нами Ганс.

Я всё сделал, это оказалось несложно. Поворотный круг был небольшим, помещался ровно по ширине тоннеля и очень быстро развернул транспорт лицом в противоположную сторону. Мы стали забираться в транспортировщик. Мест только на двоих. Деда я усадил впереди, а сам плюхнулся назад. Ульяна устроилась у меня на коленях.

Весь путь до первого сектора я боролся с желанием выкрасть у девочки дневник, который так вызывающе торчал из сумки, что каждую секунду меня искушал. Правда, это было бессмысленно. Ульяна не собиралась нам препятствовать, а значит и так даст посмотреть когда-нибудь дневник целиком, надеялся я. Но как же хотелось его полистать прямо сейчас! В какой-то момент девочка, видимо, интуитивно догадалась о моих намерениях и переложила сумку себе на колени.

– Так, вы уже там? – спросил Ганс. Мы в очередной раз вспомнили, что следить за нами в тоннеле он не может.

– Да, мы на месте! – ответил я.

– Теперь также до 2-го сектора надо добраться…

Мы почти повторили тот путь, которым я шёл два часа назад до больницы. Только повторили в обратную сторону и в более спокойном темпе. Через гермодверь опять в транспортировщик, который также необходимо было развернуть на поворотном круге.

– Всё, мы во втором отсеке, – наконец, спустя 20 минут пути, обрадовал я Ганса.

– Отлично. Теперь выходите опять в тоннель ускорителя, далее метров на триста прямо, потом в дверь справа и спуститесь по лестнице, там через люк выберетесь в хозяйственные помещения, а затем по коридорам, – тут Ганс объяснил более подробно, – до моей личной подземной стоянки. Это длинный путь, уж простите, короткий я пока заблокировал и открою вам его позже.

– Ладно! – ответили в один голос мы с дедом.

Ганс использовал стратегический объект в личных целях и даже хранил тут свои автомобили. Во даёт! Подумал я. На весь пеший путь мы потратили ещё минут двадцать. В конце я толкнул массивную железную дверь и вот она, стоянка!

Спёртый воздух. Пахло цементной пылью. Низкий потолок помещения подпирали бетонные столбы. Но свет тут Ганс заранее для нас заботливо включил.

Я резко ворвался внутрь, оставив деда опираться только на костыли, и принялся хаотично рассматривать автомобили. Насчитал целых двенадцать машин! Все советского производства, но разных марок. Большинство из них с изрядно проржавевшим кузовом и покрытые толстым

слоем пыли. Частью накрытые брезентом хотя бы наполовину, частью без какой-либо защиты вообще. Но мне нужны были не они. Прищурившись и приглядевшись сквозь яркий свет ещё тщательнее, я, наконец, увидел её! В самом дальнем конце стоянки у выезда в открытые широкие ворота тёмного тоннеля стояла она… наша «Победа»!

Глава 33

Никогда бы не подумал, что так буду рад видеть чужой автомобиль! Час назад я узнал, что мой дед мне не родной, а родной умер несколько дней назад, и ещё много чего узнал, но теперь я забыл обо всём этом напрочь, так обрадовался возвращению «Победы»!

Сорвавшись с места, я раскинул руки и упал на капот машины.

– Нашлась! Правда, нашлась! Ура! – запричитал я. Мои злоключения в этом городе начались именно с того, что пропала машина. Я считал, что должен был её найти сам. Именно сам. Не говорить деду, пока не найду, не заявлять в полицию, которой тут не было. Правда, потом об исчезновении автомобиля деду пришлось сказать, ладно. Но именно пропажа машины разделила нас с дедом. А теперь она здесь, передо мной! И сейчас я обнимал «Победу» так, будто она всегда принадлежала мне.

Закончив только через пару минут и отпрянув от кузова легендарного автомобиля, я проскользил кончиками пальцев по его крыльям до самой задней двери, а затем открыл оную. Наши сумки мирно лежали на заднем сиденье. Я начал резво открывать их и дотошно проверять содержимое, частью вынимая его и складывая рядом. Сменные вещи, два термоса, небьющаяся посуда и прочее-прочее. Всё было на месте! Под сиденьем я обнаружил мой зеркальный фотоаппарат – самая дорогая вещь из всех, здесь находившихся. Прекрасно! Значит, всё в целости и сохранности!

– Вещи! Вещички! Вещулички! – приговаривал я, возвращая их обратно в сумки, и будучи просто без ума от радости.

А самое главное – биты! Биты тоже никуда не делись. Достав одну из них и зажав за рукоять в ладони, я выбрался из машины. Подошла Ульяна.

– Смотри, я Ниган! – улыбнулся ей я, положив биту на плечо, при этом отклонив своё туловище слегка назад и выпятив живот.

– Кто? – На лице девочки нарисовалось полное недоумение.

– Эм… не важно, – тут же ушёл я от ответа. Может быть, в фантомном мире не создали этого персонажа, подумал я. Да и если создали, вряд ли Ульяна была похожа на любительницу сериала «Ходячие мертвецы». Она и так практически живёт в мире постапокалипсиса, зачем ей ещё и киношный?

Я до сих пор не верил своим глазам, но эйфория постепенно спадала.

– Так, не отвлекайтесь, – снова направил нас в нужное русло Ганс из рации, лежащей в кармане медленно приближающегося к автомобилю деда. – Владимир, загляни ещё раз в багажник.

Дед послушался, но я его опередил и отпер багажник из кабины сам. Манекен лежал на месте. Только теперь я стал присматриваться к нему уже более тщательно. Вау! Так это же не манекен никакой, а робот – понял я. Руки и ноги у него были совсем не из пластмассы, как мне показалось на первый взгляд ещё тогда на стоянке. Какой-то металлический сплав, мне неведомый, телесного цвета. Правда, там, на стоянке в городе Находка, изучать манекен я особо и не собирался, тем более присматриваться к составу материала, из которого он был изготовлен. Но теперь, после рассказа Ганса и деда это стало интересно. Робот разобран. Из плеч и бёдер, там, где с туловищем должны были стыковаться руки и ноги, сейчас лежавшие поодаль, торчали шестерёнки и крепежные механизмы. Голова также была отделена от тела.

– Как он выглядит? – спросил Ганс.

– Разобран, – ответил дед. – Но всё также хорош! Это ведь пожарный?

– Он самый! Разобран, говоришь? Полностью? И голова тоже отделена?

– Да! – теперь сказал я.

– Удивительно! Эти два господина со стоянки справились с такой сложной задачей! – поразился Ганс. – Думал, они так и уложат его в багажник, не разбирая. Он бы влез, но…

– Отсоединить конечности сложная задача? – спросил я.

Ганс не ответил на мой вопрос, а сразу продолжил:

– Володя, тогда возьми голову в руки и поверни лицом к себе.

– Взял! – Дед подчинился.

– Отлично! Теперь нажимай на левый глаз до упора! – Дед сделал всё так, как попросил наш запертый друг. В механической голове раздался щелчок.

– Ага, шкатулка работает ещё! – обрадовался Ганс. – Теперь нижнюю челюсть до упора вниз. – Дед проделал эту операцию. Щелчок. – И правое ухо тянешь на себя.

Как только дед сделал всё точь-в-точь, как приказывал Ганс, затылочная часть головы робота открылась, разойдясь в стороны, и механизмы вызволили наружу длинный ключ с причудливой ручкой в виде змеи и странными зубцами. Ну, как странными? Если насадки, найденные мной в квартире Ганса, представляли собой одно какое-то тело Пуансо каждая, то тут из этих тел состояли все шесть зубцов ключа. Притом, из разных тел. Изумительный ключ! Просто произведение искусства!

– Так, ну вот, поздравлю, первый ключ к моей свободе у вас! – сказал Ганс.

Дед, увидев мою живую заинтересованность, дал его мне посмотреть. Я взял в руки этот довольно весомый ключик, длиной сантиметров двадцать.

– Осталось ещё два! – продолжал запертый учёный. – Первый ключ, господа, как вы сами видите, был у вас с собой с самого начала путешествия! Второй найдёте в «доках». В письме как раз об этом и было. А третий…

Ганс не договорил. Я достал из кармана то письмо, что мы должны были найти в «доках», и прочитал вслух. По стилю оно сильно отличалось от предыдущих. Его точно писал уже сам Ганс. Короткое. Буквально шесть строчек. В нём не говорилось ничего ни про лабораторию, ни про город. Лишь то, что мы должны были забрать голову робота с собой. Там же инструкция, как её отсоединить от тела. Умно! А после нам надо было сесть в трамвай. Хм. А это ещё зачем? Странно. Что за игра такая? Дед-то обо всём догадался ещё тогда, и в Находке, и в «доках», так как однозначно узнал обе части композиции Ганса, а я ведь нет. Мне бы это всё показалось полным абсурдом.

– Так, где третий-то? – возмущённо спросила Ульяна.

– А третий, Ульяна… – Ганс сделал паузу. – Мама разве тебе не рассказывала?

– Что не рассказывала?

– Куда они перенесли машиниста?

– Нет, зачем мне это знать? – удивилась она, пожав плечами.

– А, вот какие дети спрятали ваших роботов! – догадался я.

– Понял уже? – усмехнулся Ганс. – Рита, когда ей было то ли 11, то ли 12, спасла вместе со своими друзьями моих роботов! Шахтёра и пожарного спрятала в «доках», а машинист уже не один десяток лет управляет трамваем!

– Да ладно? Он что, механический? Трамвай, в смысле, – спросил я.

– Электромеханический. Но да! Тоже моя разработка! – засмеялся Ганс. – Ездит по короткой дистанции. Питается электричеством, пущенным по рельсам. Человеком не управляется. Всё на автомате, я ему же даже время остановок задал на встроенном механическом таймере. А когда трамвай ломается – мои паучки его чинят. Только и машинист ему, получается, ни к чему. Рита ради шутки усадила в кабину робота, крепко примотав его проволокой к сиденью, но горожанам шутка так понравилась, что робота не стали убирать. Он проездил в трамвае уже больше двадцати лет!

– Не пойму, зачем ломать такую красоту, – спросил я. – Только лишь из-за ненависти к вам? Почему тогда трамвай не тронули? Он же тоже ваш.

– Догнать не смогли, – хихикнул дед.

– Не только из-за ненависти, – вмешалась Ульяна. – Это я как раз знаю! Город в 90-е действительно много лет растаскивали на металлолом. Как думаешь, почему тоннель у нашего штаба пустой? Всё вывезли! Всё подчистую!

Понятно, подумал я. 90-е годы и в фантомном мире ничем не отличались от реальных.

– Вывезли? Как? Через стену? Продали фантомам? – начал догадываться я.

– Эм… – Ульяна смутилась. – Получается так!

Короткое молчание и следом громкий смех:

– А-ха-ха-ха! – я не выдержал и мгновенно рассмеялся в полную силу.

Представить, как фантомы вывозили металл, и он растворялся в пыль, проходя сквозь стену, было несложно. Я озвучил свои мысли, еле-еле борясь со смехом, а как закончил, дал ему волю на полную.

– Лучшая афера, которую я только могу себе представить! Продали настоящий металл, получили деньги, а он исчез! Исчез! А-ха-ха-ха! – продолжал гоготать я. Остальные присутствующие мой порыв веселья перенесли спокойно, хоть и с улыбкой. Кроме Ганса. Улыбался он или нет, я знать не мог.

Только дождавшись, когда я окончательно угомонюсь, Ганс продолжил:

– Найти и принести сюда оставшиеся ключи вам надо как можно скорее! – строго сказал он.

– Без проблем! Завтра мы с Максимом как раз этим и займёмся! – приняла эстафету Ульяна. – Да, Максим?

– Хорошо, – я неохотно кивнул.

– Ты бы мог освободить себя уже давно с помощью паучков! – добавил дед.

– Нет, не мог бы! – возразил Ганс. – До замков они не дотягиваются. Эх, ладно, сегодня уже поздно. Согласен с Ульяной, ключи тогда найдёте завтра. Но сделать это желательно до городского собрания! Ладно? А сейчас я лучше вам расскажу, как я заманил вас в город!

– О, вот это гораздо интереснее! – ответил я.

– Не сомневаюсь, но сначала паучки! – восторженно заявил Ганс и тут же замолчал.

Я не знал, как на это реагировать. Ульяна тоже волновалась, только дед был абсолютно спокоен. Изобретение Ганса, о котором шла речь, он видел, но нам с девочкой-то от этого было не легче. Через секунд двадцать послышался скрежет. Будто кто-то скрёб металлом о бетон. Неприятный звук. И вот в темноте, в том самом тоннеле, который, видимо, вёл наружу из подземной стоянки, появились они. Вначале засветились зеленые глазки. Несколько десятков глазок, еле-еле освещавших путь перед собой, а затем можно было разглядеть и лапки маленьких роботов. Ульяна испугалась и робко скрылась за моей спиной.

– Итак, знакомьтесь, друзья! Мои любимицы! – выдал после долгого молчания Ганс. – Мои паучки!

Глава 34

К нашим ногам подползли три паучка. Абсолютно одинаковые. Вблизи они не казались такими уж страшными, как в темноте. Сантиметров двадцать в высоту и тридцать в длину. У каждого четыре тёмно-оранжевые ножки из меди. Получается, это никакие не паучки, раз у них так мало ножек. Но изобретение поразительное.

– А что ног так мало? – пошутил я.

– Ну, в первой партии были все восемь ног у каждой особи. А на создание этих у меня не так много лишнего реального материала оставалось, – ответил Ганс. – Нельзя же использовать фантомную материю. Плюс, надо беречь реальные детали, чтобы заново собрать ускоритель.

Я присел на колени и стал рассматривать изобретение более детально. Паучки представляли собой что-то вроде шкатулки на ножках. Притом ножки сгибались в двух местах каждая, а туловище походило на древний CD-плеер, ими сейчас уже не пользуются, давно устарели. Конусообразная головка крепилась сверху, ровно посередине CD-плеера на тонкой медной трубке. Один глаз. Точнее, это был не глаз, а встроенная видеокамера, выпиравшая из конуса. Пригляделся ещё тщательней. На изготовление камеры у Ганса пошла советская пластмасса, такую несложно отличить от современной.

– Даже пластмасса не фантомная? – поумничал я.

– Угу. Разбирал старые детские игрушки, чтобы сделать эти камеры! – пояснил немецкий ученый.

– Ювелирная работа, Ганс, я удивлён, – подбодрил его я. – Блин, точно! – я резко отпрянул назад. – Вы же сейчас через них на меня смотрите!

– Спасибо! Хе-хе-хе, смотрю, есть такое, – ответил Ганс, а паучок в это время покивал головкой в знак согласия. Как жутко и одновременно прекрасно это смотрелось. – Но не будем отвлекаться, – продолжил Ганс. – Сейчас расскажу, как я вас сюда привёл.

– Мы слушаем! – сказал я.

Наша тройка игроков к этому времени уже уселась на сиденья автомобиля.

– А, да, Володь, пока не забыл, – вдруг что-то вспомнил Ганс. – Спасибо за ту твою речь, ну, про помощь всего города в предстоящем восстановлении ускорителя! Я так и хотел, чтобы ты им это сказал, а не я.

– Я догадался, – улыбнулся дед. – Тебя бы они не послушали. Но на помощь никто пока официального согласия не дал, так что рано благодарить!

– И, тем не менее, спасибо! – добавил Ганс. – Ладно. Теперь о главном…

Мы сели поудобнее.

– Итак, мои паучки не только красивые, они ещё и довольно мощные, с их помощью я и вёл автомобиль, – начал Ганс.

– Вау! – Не выразить удивление, хоть и в самом начале, я не мог.

– В машину, кстати, тоже встроена камера прямо в эмблему на капоте. Через неё я хорошо отсюда видел дорогу, что в городе, что за куполом. Подготовился ко всему предприятию я, конечно, заранее, ещё когда город блуждал в космосе, но потом, уже после стыковки Картанга с планетой в Приморье долго выжидал момент. Прошло тогда ещё несколько недель. А, да, Володь, про то, как город путешествовал в космосе я потом тебе расскажу. А Максим уже знает. Так вот, за людьми через купол-то я следил, но на что они были способны, предположить не мог.

Скрипнуло кожаное сиденье, когда на нём мой дед в очередной раз принимал удобную позу. С его ногой это не так-то просто было сделать.

– И вот подгадав момент, – продолжил Ганс, – я отключил фантомный мир. В городе поднялась паника, и за это время я успел – о, чудо! – вывести машину за стену!

– Сразу возникает вопрос, как? – вмешался дед.

Дальше мне показалось, что Ганс немного смутился.

– Если отключить фантомный мир, – отвечал он, делая небольшие паузы. – То те вспышки на куполе на несколько минут появятся вновь, вот я и успел.

Мы с дедом удивлённо переглянулись. Ульяна сидела молча. Я очень хотел, чтобы она сейчас не задала какого-нибудь провокационного вопроса. Но, кажется, девочка мало что понимала, поэтому лишь молча слушала. Провокационный вопрос задал дед:

– Ладно. Как машина выбралась вроде понятно. Но как вернулась назад? Мы ведь не могли попасть во вспышку случайно. И ты не смог бы рассчитать это попадание заранее, как бы того не хотел, пусть даже и видел через камеру в эмблеме, как мы едем. Это очень сложно – сделать такие расчёты. Даже для тебя. А в любой момент времени во вспышку не проедешь, опасно даже думать такое предпринимать. Сам знаешь, как хаотично они появлялись тогда. Это был бы огромный риск для нас, ты бы на такое не пошёл! Не стал бы подвергать наши жизни даже малейшей опасности, я же тебя знаю. И пустить такое на самотёк тоже бы не смог. Так как же всё было на самом деле?

А дед молодец, подумал я, качественно поставил проблему.

– Поверьте, опасности не было никакой! Я нашёл способ, но такое можно было проделать только один раз. Не бойтесь. Вы же уже здесь. Значит, всё прошло гладко. Расскажу подробней об этом, как увидимся! – ещё сильнее замешкался Ганс.

Да, я помнил, как Заботин говорил, что перед нашим появлением в Картанге фантомный мир отключался несколько раз. Но дед был прав, про это возвращение в город через вспышку звучало уж очень неправдоподобно. Ганс что-то недоговаривал.

– Хорошо, продолжай! – буркнул дед.

– Мои паучки установили в «Победу» изобретённый мной же ретранслятор.

– Что он делал? – спросил я.

– Работал над его созданием я несколько лет. Ретранслятор должен был получать сигнал из города, точнее, отсюда, из моей лаборатории, находясь за стеной, и передавать его на любое принимающее устройство в реальном мире. А также принимать сигналы из реального мира и передавать мне сюда.

– И у вас получилось его создать? – удивился я.

– Используя только реальный материал – да, – ответил Ганс. – Ваш телефон, по которому вы спокойно звоните домой, тоже ведь сделан из реального материала, потому связь с реальностью у вас есть. Устройство из реального материала – звонит в реальный мир.

– И ловит реальные волны? – справедливо поинтересовался я.

– Именно! Но у меня в Картанге ни одного реального сотового не было, поэтому пришлось собирать свой ретранслятор. Затем, с помощью ретранслятора я вылез в Интернет в реальности. Тут и началось самое интересное. Паучки спрятали машину в лесу, там, докуда смогли её довезти. Но спрятали так, чтобы до неё смогли добраться те эвакуаторщики. Правда, паучков по завершении операции мне пришлось уничтожить. Обратно за стену они уже попасть не могли. И дальше, используя машину как…

– Ретранслятор. Мы уже поняли, – буркнула Ульяна. – Давай дальше!

– Верно. Я стал искать вас. В первую очередь, конечно, Владимира. Но был сильно удивлён, когда обнаружил живого Сергея Валентиновича. Он даже фамилию не менял. Так и остался жить в Магадане под своим ФИО. Нашёл в электронном справочнике его телефон и позвонил. Всю беседу передавать не буду, долгая она у нас была. Помочь он мне согласился. Все письма, в том числе и то, которое привело вас сюда, писал Сергей. Он уже почти не двигался. Ноги совсем отказали. Из дома не выходил, продукты ему приносили соседи. В таком состоянии вернуть его в город было невозможно.

– Он скрыл и от меня, что выжил, – добавил дед. – Все тридцать лет скрывал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.